

Валерий Антонов

Путь Хайдеггера. Том 26. Путеводитель по GA 97

Путь Хайдеггера

Валерий Антонов

Путь Хайдеггера. Том 26. Путеводитель по GA 97

«Автор»
2026

Антонов В.

Путь Хайдеггера. Том 26. Путеводитель по GA 97 / В. Антонов — «Автор», 2026 — (Путь Хайдеггера)

Книга «Путь Хайдеггера. Том 26» — первый подробный путеводитель по 97-му тому Полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера («Замечания I–V», 1942–1948), открывающему «Чёрные тетради» послевоенного периода. В центре внимания — афористическое мышление, отказывающееся от публичности и систематики. Анализируются ключевые понятия позднего Хайдеггера: Seyn как забвение различия, Ereignis как событие-присвоение, Brauch (пользование) как опасность и тишина, Verwindung (извивание) вместо преодоления метафизики. Отдельно рассматриваются политические высказывания (критика демократии, самооценка ректората 1933 года) и проблема переводов на русский язык. Для философов, переводчиков и всех, кто сталкивается с герменевтической трудностью «Чёрных тетрадей».

© Антонов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение: На развалинах метафизики — Путеводитель по «Замечаниям» Хайдеггера. 5
1. Замысел и место тома в Gesamtausgabe. 5
2. Жанровая аномалия: почему «Замечания», а не трактат? 6
3. Центральная проблематика GA 97 в пяти тезисах. 7
4. Политическое измерение: заблуждение 1933 года и критика демократии. 8
5. Сравнительный анализ переводов и проблема русской рецепции. 9
6. Структура путеводителя. 10
7. Для кого этот путеводитель? 11
Вместо предисловия: о жесте «прохождения мимо» 12
GA 97: Anmerkungen X-XII (Schwarze Hefte) (Замечания X-XII). 13
1. Статус «заметок»: Мышление как путь, а не система. 13
2. Ключевые термины и их взаимосвязь. 14
3. Основные темы. 16
4. Основные аргументы и линии рассуждения. 18
5. Значение тома в контексте позднего Хайдеггера. 19
6. Критические замечания (внутренние, не внешние). 20
Обзор «Anmerkungen II». 46
Единство тома. 51
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Путь Хайдеггера. Том 26. Путеводитель по GA 97

Введение: На развалинах метафизики — Путеводитель по «Замечаниям» Хайдеггера.

1. Замысел и место тома в Gesamtausgabe.

Двадцать шестой том «Пути Хайдеггера» предлагает читателю не просто перевод или компиляцию, а **путеводитель** (путеводитель — Leitfaden) по одному из самых герметичных и взрывных томов Полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера — GA 97 «Anmerkungen I–V» («Замечания I–V»). В отличие от систематических трактатов («Бытие и время», «Вклады в философию»), GA 97 принадлежит к так называемым **«Чёрным тетрадям»** — философским дневникам, которые Хайдеггер вёл с 1931 по 1970 год. Тексты, вошедшие в этот том, датируются периодом с лета 1942 по 1948 год — переломным моментом Второй мировой войны, крушением Третьего рейха и началом денацификации. Именно здесь хайдеггеровское мышление достигает максимальной афористической плотности, сознательно отказываясь от любой формы публичной действенности (Wirken) и академического дискурса.

Данный путеводитель ставит перед собой задачу не просто пересказать содержание GA 97, но **реконструировать внутренний путь** (*der Weg*), по которому движется мысль Хайдеггера в этих заметках. В отличие от стандартных комментариев, здесь предпринимается попытка показать, как ключевые термины (Seyn, Ereignis, Brauch, Verwindung, Unter-Schied) не являются статичными понятиями, а возникают как попытки *сказать* то, что остаётся несказанным в метафизике — само различие между сущим и Бытием.

2. Жанровая аномалия: почему «Замечания», а не трактат?

GA 97 принципиально несистематичен. Хайдеггер сам характеризует этот способ письма как «предварительные знаки неисчерпаемого» или «крики нужды» (Notrufe). Афоризмы, фрагменты, письма, поэтические вставки, личные воспоминания — всё это не случайная форма, но необходимый способ мышления, которое отказывается от «действования» и «публичности» в пользу «устойчивости» (Inständigkeit) и «внимательности» (Aufmerksamkeit).

В «Замечаниях I» (1942–1946) эта форма только складывается; в «Замечаниях II» (1945–1946) она уже рефлексивно тематизируется как молчание (Schweigen) против журнализма; в «Замечаниях III» (1946–1947) вводится таинственная терминология «Обычая» (Brauch) и «Совета-тайны» (Ratsal); «Замечания IV» (1947–1948) концентрируются вокруг «пользования» (Brauch) как опасности и тишины; наконец, «Замечания V» (1948) подводят итог послевоенному кризису, включая политическую самооценку ректората 1933 года и критику демократии.

Ключевой аргумент путеводителя: эта афористичность — не недостаток или литературный каприз, а единственно адекватный способ философствования после «конца философии». Когда метафизика завершена (vollendet) в воле к воле (Wille zum Willen), любое систематическое изложение только укрепляет забытость Бытия. Поэтому «Замечания» — это не черновики, а **лаборатория мышления** в самом строгом смысле.

3. Центральная проблематика GA 97 в пяти тезисах.

На основе сквозного анализа GA 97 можно выделить пять взаимосвязанных линий, которые образуют каркас всего тома:

Тезис 1. Бытие (Seyn) как забвение различия. В отличие от метафизического понимания бытия как присутствия, субстанции или основания, Хайдеггер вводит архаичное написание *Seyn*. Seyn — не сущее, не бытийность (Seiendheit) и не Бог. Оно есть само **различие между сущим и бытием**, но понятое не как отношение, а как **событие** (Ereignis). В «Замечаниях III» возникает сжатая формула: «Seyn ist die Vergessenheit des Unterschieds» — Бытие есть забвение различия. Забвение здесь — не недостаток, а положительное событие, которым Бытие себя скрывает.

Тезис 2. Событие (Ereignis) и пользование (Brauch) как новые имена для сути дела. В GA 97 *Ereignis* утрачивает остатки хронологического смысла («в событии ничего не происходит»). Ereignis есть способ, которым человек и Бытие присваиваются (vereignet) друг другу, но одновременно раз-собщаются (enteignet). *Brauch* (пользование) — ещё более радикальное имя: оно означает, что Бытие «расходует» себя в сбережение тайны. Пользование имеет два полюса: щажение (Schonung) и безмятежность (Gelassenheit). Мышление как сказание (Sage) соответствует (entspricht) этому пользованию, не изображая и не объясняя.

Тезис 3. Критика публичности (Öffentlichkeit) и журнализма как планетарной махинации. Одна из самых острых тем «Замечаний» — диктатура публичного мнения, радио, газет и «литераторства» (Literatentum). Хайдеггер утверждает, что журнализм есть техническая организация иллюзий, которая разрушает мышление не грубой силой, а через «правильность не-истинного» (Richtigkeit des Unwahren). Атомная бомба уничтожает материально, но журнализм уничтожает само существо мышления, создавая «видимость бытия на кажущемся основании безусловной беспочвенности».

Тезис 4. Оборот (Kehre) и извивание (Verwindung) как способы отношения к метафизике. Метафизику нельзя «преодолеть» (überwinden) в смысле отбросить — это было бы повторением трансценденции. Её можно только *извить* (verwinden): ввинтиться в неё настолько, чтобы она сама себя отпустила в истину Бытия. Оборот (Kehre) — это не поворот в мышлении Хайдеггера, а событие самого Бытия, в котором забытость различия поворачивается в пользование.

Тезис 5. Сказание (Sage) и после-письмо (Nachschrift) как подлинное письмо мышления. В «Замечаниях IV» развивается концепция *сказания*, которое не есть высказывание (Aussage) о сущем. Сказание «есть само Бытие». Единственное подлинное письмо — это после-письмо (Nachschrift), которое следует за пред-хождением (Vorgang) Бытия и обгоняет его. Читатель такого письма — не интерпретатор, а пастух (Hirt) Бытия, внимающий тишине.

4. Политическое измерение: заблуждение 1933 года и критика демократии.

Ни один путеводитель по GA 97 не может обойти тему, которая делает «Чёрные тетради» скандальными: политические высказывания Хайдеггера. В «Замечаниях II» и «Замечаниях V» содержится прямой самоанализ ректората 1933 года. Хайдеггер признаёт: «Заблуждение состояло в том, что функционеры не были распознаны как функционеры». Он не оправдывает национал-социализм, но настаивает, что его попытка 1933 года мыслилась им как прохождение через неизбежное решение воли к воле, а не как партийная политика.

Однако одновременно Хайдеггер заявляет: «Демократия есть анархия», «Антифашисты суть самые низкие рабы грядущего великого фашизма, который называет себя демократией в Америке и России». Эти высказывания не могут быть сведены к простому антиамериканизму. Они проистекают из онтологического диагноза: демократия, как и фашизм, остаётся внутри метафизики субъектности, внутри воли к воле. Путеводитель не смягчает эти тезисы, но показывает их связь с центральным различением между историей (Geschichte) и историографией (Historie), судьбой и махинацией.

5. Сравнительный анализ переводов и проблема русской рецепции.

В конце путеводителя дан обзор состояния переводов GA 97 на основные европейские языки. Полные переводы «Anmerkungen V» существуют на итальянском (Пьетро Кьяроди), французском (Паскаль Давид) и испанском (Хесус Адриан Эскудеро). Английский перевод (Ричард Полянски) находится в процессе.

Русская ситуация критична: полного перевода «Anmerkungen V» нет. Существуют лишь фрагментарные публикации в журнале «Логос» (2017) и в сборнике «Чёрные тетради Хайдеггера: между философией и политикой» (2018). Основные термины передаются непоследовательно: Seyn как «Сейн» или «Сейное», Ereignis как «событие», Verwindung как «преодоление-изживание», Verwahrlosung как «запустение». Отсутствует критический аппарат и историко-философский комментарий. Данный путеводитель, помимо изложения, фиксирует эти переводческие лакуны и предлагает рабочие эквиваленты, обоснованные в тексте.

6. Структура путеводителя.

Том построен как **последовательный обзор** каждого из пяти разделов GA 97:

· **Часть 1. Anmerkungen I (1942–1946):** Тематизация нужды безнуждности, критика ценностей, первые наброски различия между историей и историографией.

· **Часть 2. Anmerkungen II (1945–1946):** Молчание как сказание, оборот, самооценка ректората, критика атомной бомбы и «машинерии убийства».

· **Часть 3. Anmerkungen III (1946–1947):** Введение Обычая (Brauch), Совета-тайны (Ratsal), развитие понятия забытости как положительного события.

· **Часть 4. Anmerkungen IV (1947–1948):** Пользование, опасность, тишина, после-письмо, разрыв слова.

· **Часть 5. Anmerkungen V (1948):** Полевая дорога, критика демократии, Ницше как неизбежный, судьба немецкого народа, ремесло мышления.

Каждый раздел снабжён терминологическим словарём, отсылками к параллельным местам в других томах GA и указанием на проблемные места для переводчика.

7. Для кого этот путеводитель?

Книга адресована не только специалистам по хайдеггеровской философии, но и тем, кто впервые сталкивается с «Чёрными тетрадями». Путеводитель выполняет три функции:

1. **Навигационную** — помогает ориентироваться в афористическом, часто противоречивом тексте GA 97.

2. **Терминологическую** — даёт обоснованные русские эквиваленты ключевых терминов и показывает их внутреннюю связь.

3. **Критическую** — не скрывает политически взрывоопасных высказываний Хайдеггера, но отказывается как от апологетики, так и от морализаторского осуждения, настаивая на необходимости *мыслить* эти высказывания в их онтологическом контексте.

Вместо предисловия: о жесте «прохождения мимо»

Хайдеггер пишет в «Anmerkungen V»: «Прохождение мимо без ненависти и мести, но также без подчёркнутой видимости благородной озабоченности». Этот жест — *не участвовать* в публичной борьбе мнений, но и не уклоняться в высокомерное молчание — сам является образцом того, как путеводитель относится к своему предмету. Он не «объясняет» Хайдеггера лучше, чем он сам себя понял, но пытается идти *рядом* с путём его мышления, фиксируя те места, где этот путь обрывается, сворачивает или становится невыносимо трудным. GA 97 — это не последнее слово Хайдеггера, но, возможно, его самое честное слово, сказанное в тетради, а не на кафедре. Данный путеводитель приглашает читателя не судить и не восхищаться, а *внимать* — той тишине, из которой эти заметки говорят.

GA 97: Anmerkungen X-XII (Schwarze Hefte) (Замечания X-XII).

1. Статус «заметок»: Мышление как путь, а не система.

«Anmerkungen I» принадлежат к позднему, «событийно-историческому» (seynsgeschichtlich) периоду мышления Хайдеггера (примерно 1942–1946). В отличие от трактатов («Beiträge zur Philosophie», «Besinnung»), здесь форма фрагментарна, афористична, иногда поэтична. Хайдеггер сам характеризует этот способ письма как **«предварительные знаки для неисчерпаемого»** или **«крики нужды»** (Notrufe). Это мышление, которое отказывается от «действования» (Wirken) и «публичности» (Öffentlichkeit) в пользу **«устойчивости» (Inständigkeit)** и **«внимательности» (Aufmerksamkeit)**. Заметки не предлагают доктрины, а показывают **путь (Weg)**, который постоянно возвращается к началу (Anfang).

2. Ключевые термины и их взаимосвязь.

2.1. Seyn (Бытие) вместо Sein

Хайдеггер пишет **Seyn** (архаизированное написание), чтобы отличить **событийное Бытие** от традиционного (метафизического) понимания бытия как присутствия, субстанции, основы. **Seyn** не есть сущее (das Seiende) и не есть «бытийность» (Seiendheit). **Seyn** «сущностно действует» (west) как **истина (Wahrheit)** и как **событие (Ereignis)**.

«Nur das Seyn ist» — только Бытие есть. Оно не «существует» как предмет, но **с-бывается (er-eignet sich)**.

2.2. Ereignis (Событие)

Ereignis становится центральным словом позднего Хайдеггера. Оно означает не событие в хронологическом смысле, а **присвоение (Er-eignung)** человека Бытию и Бытия человеку. **Ereignis** есть **«интимность» (Innigkeit)** различия (Unterschied) между Бытием и сущим. В «Anmerkungen I» **Ereignis** сближается с **милостью (Huld)**, **болью (Schmerz)**, **уходом (Abschied)** и **приветствием (Gruß)**.

«Das Einstige ist das Erste und das Letzte. Einig gehören sie der schmerzenden Huld. das Ereignis» (Единóбывшее есть первое и последнее. Едино принадлежат они болящей милости. событие)

2.3. Inständigkeit (Устойчивость, пребывание-в-устойчивости)

Inständigkeit — ключевая экзистенциальная (или, точнее, **да-зейновская**) характеристика человека по отношению к Бытию. Это не «экзистенция» (Existenz) в смысле Ясперса или Сартра, а **выдерживание (Austragen)** истины Бытия. **Inständigkeit** включает в себя **принесение (Bringen)**, **освобождение (Befreien)**, **оберегание (Hüten)** и **стражу (Wachen)**. Человек **устойствует (inständet)** в Da-sein, которое есть «место» просвета (Lichtung) Бытия.

2.4. Da-sein (Там-бытие)

В отличие от «Бытия и времени», **Da-sein** в поздних заметках теряет связь с «заботой» (Sorge) и «бытием-к-смерти» (Sein-zum-Tode) и становится почти онтологическим термином: **Da-sein** есть **«событийная» открытость**, через которую мир «мирует» (weltet). Хайдеггер говорит: **«Da-seyn als Seyn ist das Welten von Welt»** (Da-sein как Бытие есть мирствование мира).

2.5. Sage (Сага, Сказание)

Sage — не «язык» как система (Sprache), а изначальное **сказывание**, которым Бытие говорит само себя. **Sage** есть способ **события (Ereignis)**. Человек может только **«следовать саге» (Folge im Sagen)**. **Sage** связана с **молчанием (Schweigen)** и **несказанным (Ungesprochenes)**.

«Schweiget im Wort. So gründet die Sprache.»

2.6. Andenken (Воспоминание)

Andenken — не психологическая память, а мышление, которое обращено к **пребывшему (Gewesene)** как к грядущему (Kommende). **Andenken** есть **благодарение (Dank)**. Хайдеггер отсылает к поэзии Гёльдерлина («Andenken») и к этимологической связи: **denken = danken** (мыслить = благодарить).

2.7. Verwindung (Преодоление-как-свивание, изживание)

В отличие от **Überwindung** (преодоления как отрицания), **Verwindung** означает **ввинчивание** в сущность метафизики, чтобы выйти из нее не через разрушение, а через **исцеление (das Heile)**. Хайдеггер говорит о **Verwindung der Metaphysik** как о событии, которое не является «философской позицией», а происходит из самой истины Бытия.

3. Основные темы.

3.1. Критика метафизики как «воли к воле»

Хайдеггер утверждает, что современная эпоха (Neuzeit) есть эпоха **завершенной метафизики**, чья сущность — **воля к воле (Wille zum Willen)**. Воля к воле есть последняя форма **воли к власти (Wille zur Macht)** Ницше. Она проявляется как:

· техника (Technik) как самопожирающий процесс,
· историография (Historie) как бегство от истории (Geschichte),
· психология (Psychologie) как инквизиция,
· мораль (Moral) как инструмент нигилизма.

Воля к воле **заграждает (versperrt)** Бытие, делает человека «близким к деятельности» (betriebsnah) и заставляет его жить из **забывчивости (Vergessenheit)** своего забытья Бытием.

3.2. Историчность (Geschichtlichkeit) против историографии (Historie)

Хайдеггер различает:

· **Geschichte** (история) как **судьба (Geschick)**, событийное посылание Бытия.
· **Historie** (историография) как объективирующая наука, которая «превращает историю в голые происшествия» и организует «бес-помощность».

Историчность есть **принадлежность (Gehören)** к существу истории через **слышание (Hören)** и **послушание (Gehorsam)** истине Бытия. **Andenken** есть собственно историческое мышление.

3.3. Нигилизм (Nihilismus)

Нигилизм для Хайдеггера — не просто отсутствие ценностей, а **самозабвение Бытия (Seinsvergessenheit)**, ставшее планетарным. Хайдеггер вводит понятие **«изнуряющий нигилизм» (auszehrender Nihilismus)**, который принимает в свою службу даже христианство, мораль и «веру». **Террор** (Terror) нигилизма не в грубой силе, а в **правоте неистинного (Richtigkeit des Unwahren)**, когда «правильное» вычисляется и загораживает истину.

3.4. Безмерность (Maßlosigkeit) и беспомощность (Ratlosigkeit)

Современное состояние характеризуется **безмерностью** (отсутствием всякой меры, даже знания о мере) и **беспомощностью** (неспособностью найти «совет» — Rat). Беспомощность укоренена в **восстании (Aufbäumung)** человеческого существа против **благосоветности (Wohlberatenheit)**. Единственный «совет» приходит из **бытия-приветствованным (Gegrüßtsein)** и **благодарения (Danken)**.

3.5. Язык (Sprache) как обиталище Бытия

Язык не есть инструмент выражения (Ausdruck). Он есть **колыбель сказания (Wiege der Sage)** и **единственная обиталище (einzige Behausung)** для человеческого существа.

Хайдеггер требует **учиться читать (lesen lernen)** как ремесло (Handwerk) мышления. **Слово (Wort)** невыразимо (unsäglich) и **бессловно (wortlos)** в своем истоке. Молчание (Schweigen) есть высшая форма говорения.

3.6. Праздник (Feiertag) и праздность (Fest)

Хайдеггер противопоставляет изначальный **праздник** (Feiertag) как **ночную стражу (Nachtwache)** судьбы — современной **шумихе (Rummel)** и «праздникам искусства», которые порождены техническим рассудком. **Праздник тишины (das Fest der Stille)** есть **единоочество (Ein-samkeit)** к Бытию.

3.7. Греческое (Griechentum) как первый начало

Греческое начало (Анаксимандр, Парменид, Гераклит) остается **вне иудейства и христианства** и потому хранит доступ к **алетейе (ἀλήθεια)** как непотаенности. Хайдеггер утверждает, что западное существо должно быть возвращено в этот **первый начало**, минуя платонизм, христианство и метафизику субъекта. **Перевод** Гёльдерлином **λόγος** как «великий взгляд» (große Blicke) считается образцом изначального понимания.

3.8. Немецкое существо (deutsches Wesen) и Запад (Abendland)

Хайдеггер не впадает в национализм, но утверждает, что **немецкий народ** имеет особое **историко-бытийное определение**: быть **сердцем (Herz)** народов, **мысляще-поэтическим (denkend-dichtend)** народом. Однако это существо **предано (verraten)** самими немцами через бегство в историографию, морализм, псевдо-гуманизм и организацию. **Возвращение на родину (Heimkunft)** есть не географическое, а событийное возвращение в **начало Запада**. Хайдеггер называет свою родину (между Истром и Боденским озером) как возможное место этого начала.

3.9. Гёльдерлин и Штифтер

Хайдеггер видит в **Гёльдерлине** не «швабского Ницше», а **поэта поэта (Dichter des Dichters)**, чье слово впервые после греков сказывает **священное (das Heilige)** и **кроткий закон (sanfte Gesetz)**. **Штифтер (Stifter)** (имя переводится как «Учредитель») есть не столько учреждающий, сколько **воспоминающий (Erinnernder)**. Его различие между **малым и великим**, где малое есть великое, указывает на различие между **событием (Ereignen)** и **действием (Wirken)**, между **милостью (Huld)** и **волей (Wille)**.

3.10. Критика публичности (Öffentlichkeit) и «мирового мнения»

Публичность (Öffentlichkeit) есть **«злокачественное открытого» (das Bösartige der Offenheit)**. Она организует **забытье Бытия (Seinsvergessenheit)** как планетарную систему. «Мировая публичность» (Weltöffentlichkeit) и ее трибунал есть **планетарная организация** забвения. Хайдеггер противопоставляет публичности **неприметность (Unscheinbare)** тихого события, которое не нуждается в «действовании» и «успехе».

4. Основные аргументы и линии рассуждения.

4.1. Необходимость отказа от «действования» (Wirken)

Хайдеггер утверждает, что в эпоху завершения метафизики любое «действование» (политическое, моральное, культурное) только укрепляет волю к воле. Единственно возможное — **«подлинно быть-при» (wahrhaft da-zu-sein)** в **простом знании Бытия**. Это не пассивность, а **высшее ремесло (Handwerk)** мышления, которое есть **строительство обиталища (Bauen der Behausung)**.

4.2. Различие между «преодолением» (Überwindung) и «изживанием» (Verwindung)

Метафизику нельзя «преодолеть» в смысле отбросить, потому что она есть сама судьба Запада. Ее можно только **изжить (verwinden)** — «ввинтиться» в нее до такой степени, чтобы она сама себя отпустила в истину Бытия. **Verwindung** есть событие (Ereignis), а не человеческий акт.

4.3. «Смерть» как прибытие истины Бытия

В отличие от экзистенциализма, Хайдеггер говорит: **смерть (Tod)** есть не «моя» возможность, а **прибытие (Ankunft) истины Бытия**. Мертвые ближе нам, чем живые, потому что они уже вошли в эту истину. **Скорбь (Trauer)** есть вынесение (Austrag) этой близости.

4.4. Гёльдерлин как ответ на Ницше

Ницше — последний метафизик, который завершил волю к власти, но не вышел из нее. Гёльдерлин, будучи хронологически раньше, уже **прошел мимо (vorbeigegangen)** метафизики и указал на **кроткий закон**, который не есть ни воля, ни ценность. Поэтому совместное называние «Гёльдерлин и Ницше» возможно только при знании их **несравнимости (Unvergleichbarkeit)**.

4.5. «Жестокость» (Grausamkeit) истины

Заголовок тома взят из строки Гёльдерлина: **«Жестоко ведь ненавидит всезнающие лбы Бог»**. Хайдеггер толкует это как указание на то, что истина Бытия не терпит самоуверенного знания (Wissen), которое всё уже знает и вычисляет. Истина требует **бедности (Armut)**, **осторожности (Behutsamkeit)** и **мужества к тщетному (Mut zum Vergeblichen)**.

5. Значение тома в контексте позднего Хайдеггера.

«Anmerkungen I» (GA 97) служат **лабораторией** для понятий, которые позже появятся в «Zur Sache des Denkens», «Unterwegs zur Sprache» и «Gelassenheit». Здесь особенно заметна:

· **радикализация критики техники** как «организации пустоты»,

· **политическая рефлексия** (с самоанализом ректората 1933 года, который в томе также присутствует, см. стр. 98 ориг.),

· **экзистенциально-поэтический тон**, сближающий философию с гимнами Гёльдерлина.

Том показывает, что поздний Хайдеггер не оставляет «фундаментальную онтологию», но **переводит ее в язык события (Ereignis)** и **саги (Sage)**, где «Бытие и время» осмысляется как **терпящий неудачу (scheiterndes)** путь, который остается обязательным для вступления в другой начало (der andere Anfang).

6. Критические замечания (внутренние, не внешние).

Хайдеггер сам признает **двусмысленность (Zweideutigkeit)** афористической формы. Многие утверждения в «Anmerkungen I» противоречат друг другу, если вырывать из контекста. Например, резкая критика **«иудейства»** в метафизическом смысле идёт рядом с требованием мыслить греческое начало **вне иудейства и христианства** — это создает напряжение, которое в томе не разрешается, а только фиксируется как часть «судьбы Бытия». Хайдеггер также не предлагает никакой «программы» действий, кроме **терпеливого выжидания (Warten)** и **оберегания (Hüten)**.

«Anmerkungen I» — это **философский дневник** позднего Хайдеггера, в котором он:

· **отказывается** от любого «действования» и публичной философии,

· **утверждает** Бытие (Seyn) как событие (Ereignis), которое нельзя вычислить или устроить,

· **предлагает** «ремесло мышления» как **строительство языка-обиталища**,

· **различает** историю (Geschichte) и историографию (Historie), преодоление (Überwindung) и изживание (Verwindung),

· **помещает** немецкое существо в горизонт Запада (Abendland) и начала (Anfang),

· **видит** в поэзии Гёльдерлина и прозе Штифтера не культурный феномен, а **событие Бытия**.

Том является одним из самых **плотных и трудных** в GA, но одновременно одним из самых **поэтичных и личных** у Хайдеггера.

Примечания I

ЗАГОЛОВОК НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ.

«Grausam nemlich hasset Allwissende Stirnen Gott.» (Patmos. Letzte Fassung, IV3, 426.1; vgl. S. 82 vgl. 104 u.)

О БЕЗМЕРНОСТИ И БЕСПОМОЩНОСТИ

Мы выросли в эпоху устройства (Einrichtung), и значимым считается только устроенное. Поэтому постоянно возникает намерение сделать грядущее понятным и оправдать его через перспективу возможных устройств и мер.

Но что могут меры, если мы не знаем никакой меры, и безмерность состоит не только в превышении всех мер, но в незнании всякой меры, более того — в неспособности и нежелании решительного остранения (Bescheidung), состоящего в том, чтобы впервые спросить о происхождении меры из существа Бытия как начала.

Сама безмерность стала **без-мерной (maß-los)** в сущностном смысле. Мы больше не знаем, чему подлежит мера, как меры принимаются и сохраняются, как простору мерного дается пространство.

Сущностная безмерность есть достигшая конца **бес-помощность (Rat-losigkeit)**. Эта бес-помощность не знает не только «совета» в смысле подходящего указания на вспоможения и выходы. Изначальная бес-помощность укоренена в том, что наше существо восстает против благосоветности (Wohlberatenheit), поскольку оно бежало в не-существо (Unwesen) всего познающего повелевания и планирования.

Как же мы становимся готовыми к благосоветности? Лишь когда из подлинного мышления мы присоединяемся к **до-просному (dem Fragwürdigen)** и открываемся ему. Изначальный совет мы получаем в **бытии-приветствованным (Gegrüßtsein)**. Бытие-приветствованным есть благодарение.

А внутреннейшее существо благодарения есть **послушание (Gehorsam)**, происходящее из бытия-приветствованным и им настраиваемое.

ПРИНЕСЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ (BRINGEN UND BEFREIEN) как совершение и выдерживание **устойчивости (Inständigkeit)** во взаимопомощи.

ОБЕРЕГАНИЕ И СТРАЖА (HÜTEN UND WACHEN) как существо самой устойчивости.

· **Оберегание (Hüten)** есть изначальный поворот к Бытию.

· **Стража (Wachen)** должна сначала найти зов сторожевой службы (Wächterschaft) и искать слово.

ПРИНЕСЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ — СТРАЖА И ОБЕРЕГАНИЕ — в своем сущностном союзе исполняют устойчивость в **Da-sein**, в котором открытость Бытия основывает свое место.

Знаний у нас через край. Мы нуждаемся во **внимательности (Aufmerksamkeit)**. Внимать тихой вести, что Бытие есть.

Праздники (Feiertage) — это ночные стражи для судьбы (Schicksal). Судьба есть **событие (Ereignis) интимности (Innigkeit)**. А это и есть Бытие. Бытие же есть начало.

НУЖДА БЕЗНУЖДНОСТИ (DIE NOT DER NOTLOSIGKEIT)

Безнуждность сама по себе еще многолика и через собственную путаницу становится упорной.

Безнуждность означает:

1. что нужда просто забыта;
2. что нужда отодвинута;
3. что область нужды не достигается;
4. что нужда как таковая подавлена в пользу видимости «счастья»;
5. что нужда превращена в голое «злое-положение» (Übelstand).

Событийно-историческое мышление (Das seynsgeschichtliche Denken) есть сначала и долго только самоуничтожающееся указание на «поэта», обдумывающее истину Бытия, дерзающее скудость понятия, доверяющее радостности начала.

Все сущностные и подлинные мыслители (по древнему имени отличенные через **φιλεῖν τὸ σοφόν** — дружба к собственно должному-быть-узнанным) сами находятся в **φιλία** — в изначальной дружбе — при высшей **противоборственности (Gegnerschaft)**.

Это, конечно, против обычного поведения и его рассудка, где значимы только согласие и польза или отклонение из-за ущерба.

Терпение (Die Geduld) есть способность вынашивать интимнейшее ожидание. Оно не привязано к случайному, оно далеко впереди всякого нападения и обитает в скрытой близости к простому.

«Философия» называется: искать слово и тем самым постоянно приводить сказанное слово в ясность — **забота о словоупотреблении (die Sorge für den Sprachgebrauch)**.

Когда язык находится в слове, тогда он в отвесе (im Lot). Если он в отвесе, то имеет поруку скрытых глубин. Это — **истоки (Ursprünge)**. Истоки суть соседства начала.

«Der Übrige» allein bleibt übrig. Оставшийся (Übrige) один остается. Другие не возвращаются. И все же они — грядущие.

О АНТРОПОЛОГИИ

Всякая «антропология» любого рода и направления есть объявленный отказ знать, т. е. спрашивать, кто есть человек. Ибо она принимает человека как «целостность» тела, души, духа. Размышление (Besinnung) о связи человека с Бытием и о сущностной основательности этой связи и ее основания изгнано.

Тайна пребывания знакомого покоится в постоянном хранении далекого и чужого.

«ВЕЛИЧИЕ» (GRÖSSE)

«Величие» называет еще область числа и меры и означает сравнительно-оценивая превосхождение, дистанцию и различие. «Величие» редко удается непосредственно постичь подлинно как **в-себя-вовнутрь-стоящее существо (das In-sich-ragende Wesen)**.

В применении к человеку «величие» есть способность напомнить единичных некоторого человечества о необходимости их существа так, чтобы они искали это существо как свое собственное и из такого собственного позволяли каждому собственному быть самим собой. Выросшая решительность этой способности и ясность ее ведения ограничивают существо величия.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ (DER ZWIESPALT)

· Либо сказать сегодняшним непосредственно слово и тогда мыслить из сегодняшнего и все переводить в сегодняшнее и накрывать наличным. Так всякое сущностное изымается из начала; возможно, удается интерес «заинтересованных», которым прежнее стало скучным.

· Либо сказать изначально и строить сущностное по его собственному закону; тогда оставаться «непонятым» и неудобопонятным в попытке снова освободить Бытие к прибытию и пробудить воспоминание о благородном.

Как же, не может ли быть предпринята попытка сделать и то и другое сразу? Это было бы в смутное время еще высшим смятением.

Ибо впредь только простая решимость может готовить нечто истинное. В том и другом случае не важно ни действие, ни объяснение. Всё принадлежит только устойчивости — быть помощью через чистое **Da-sein**, которое нашло свою заботу.

О ПИСАТЕЛЕ «ШТИФТЕР» (STIFTER)

Как удивительно, что поэт носит особое родовое имя **«Stifter»** (Учредитель, Созидатель) и так называется, как он есть. Но есть ли Штифтер учреждающий (ein Stiftender)? Не лежит ли его существо скорее в **воспоминании (Erinnern)**?

Однако это воспоминание вынесено в своем существе только тогда, когда оно может продумать свое вспомянутое в еще не основанное. Столь велика опасность поэзии Штифтера, что она легко оборачивается бегством в прошлые «прекрасные времена» или же блекнет в бесцветность «вечнозначащих» общих мест, которые остаются бессильными против «жесткой действительности».

О ДЕЙСТВУЮЩЕМ (DER HANDELNDE)

Действующий всегда воздействует только в ограниченном горизонте. Правда, он кажется знающим действительное по преимуществу. Однако ограниченность его знания больше, чем любого другого знания; ибо даже когда действующий расширяет свой горизонт и делает его универсальным, он лишь полагает неизбежную относительность своего горизонта действия как абсолютную.

И это абсолютное есть самое ограниченное из всего ограниченного. И отсюда проистекает **догматизм всякой деятельности, близкой к действительности**.

Европа как единая «контора» (Büro).

Себя-в-себе-содержать (Sich einbehalten) в приличном определении — без затрат достижений.

Подлинное мышление настроено через **«мужество» (Mut)** к **тщетному (Vergeblichen)**.

Пагубное (Das Verderbliche) во всяком мышлении или даже в последующем-мышлении (Nach-Denken) мыслей мыслителей суть **«половинчатые мысли» (halben Gedanken)**, которые попадают в нечто «правильное» и никогда не пребывают в сущностном и тем самым загораживают сущностное от правильного.

Сбережение (Aufsparung) сущностного строения (Wesung) истины случается (ereignet sich) в эпоху завершенной безысторичности (vollendeten Geschichtslosigkeit).

Всякое подлинное мышление есть **до-просность (Fragwürdigkeit)**; она есть основание того, что оно остается неразрушимым и может долгие времена ждать и вовсе не нуждается в обычной передаче «традиций».

ИСТОРИЧНОСТЬ (GESCHICHTLICHKEIT)

Тем, что мы висим в сцепленности процессов, деяний и обстоятельств и, вися, колеблемся туда-сюда и оттого получаем впечатление «движения», мы еще не **историчны (geschichtlich)** — не принадлежим истории и ее сущностному основанию. Но мы и не становимся историчными оттого, что «исторически» озираемся по «объектам» прошлого и пересчитываем их на сегодняшнее мнимое.

Мы историчны или нет — только из принадлежности к существу истории. Эта принадлежность укоренена в **слышании-принадлежании (Gehören)**, которое может сохраняться с нашей стороны только через **слышание и послушание (Hören und Gehorchen)** в **послушании (Gehorsam)** истине Бытия.

Историческое образование (historische Bildung) не может ничего без исторического воспоминания (geschichtlichen Erinnerung). Но ничего не может также уход в техническую деятельность (Betrieb) и близость к деятельности (Betriebsnähe).

Близкий к деятельности человек «живет» из безусловной забывчивости своего забытья (Vergessenheit) через Бытие.

О ВОЗРАСТЕ И СТАРОСТИ

Нововременному «биологическому» способу мышления было оставлено видеть в старении и старости только упадок. Но к кажуще-философской, т. е. софистической, сущности этого способа мышления принадлежит также симулировать почитание и уважение старости тем, что оно «признает» старых везде, где они «молоды». Однако почитание старости состоит в том, чтобы позволить старым быть подлинно старыми, дабы их опытность и достоинство раскрылись. Пересчитывание старых на молодость (вырванной из корней и оцениваемой только по близости к деятельности и «данным») есть в истине пренебрежение к старости. Мир должен, однако, дождаться «опытов», которые он сможет получить с этой «молодостью», когда он биологически «стареет» и окончательно упустил подлинную молодость.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

· Превращение истории в голые происшествия.

· Превращение происшествий в единый процесс, который есть сама техника.

· Единообразие этого процесса и безусловная необходимость снабжения новыми сообщениями, которые ничего не говорят.

Только в конце снова появляется изначальное. Эпохи конца (завершения и о-коневания, Verendung) ближе всего к началу. Они одни находятся в близости, из которой вообще впервые становится опытно́й расстояние (Entfernung) от начала и его сущностная даль.

В такие эпохи, однако, двусмысленность (Zweideutigkeit) столь же совершенна и мучительна, как никогда иначе.

Здесь спасают не выходы (Auswege), которые обходят путь стороной. Здесь спасение «только» сам путь — чтобы мы снова нашли путь из окольных путей (Abwegen).

О ЦЕННОСТЯХ (WERTEN)

Самое бесполезное — это, пожалуй, «ценности». Никто не «живет» и не «умирает» за «ценности».

БЫТИЕ (SEYN) И «СМЕРТЬ» (TOD)

То, что сущностно «есть», имеет свою постоянность в изначальности начатия (Anfängnis) пришествия (Kommens). Что оно может быть «снова и снова» пришествием и будущим. Эта способность пришествия проистекает из изначального **бытия-пребывшим (Gewesenheit)**. Сначала Бытие должно возвратиться в бытие-пребывшим — **пребывающее (das Gewesende)** как происхождение грядущего.

Первая попытка понять это существо Бытия есть **«Бытие и время» (Sein und Zeit)**. Это понимание невозможно без знания **Da-sein** и того, как оно все преобразует в существе и дает нам ближайшие обзоры внутренних возможностей самого Бытия.

Мочь-быть (Seinkönnen) — «смерть».

Поскольку ничего не подозревают о способе спрашивания в «Бытии и времени» и об открытой в таком спрашивании области, приходят к странному мнению, что сказанное там о «смерти» есть «всё», что следовало сказать. Тогда как это лишь **отзвук (Anklang)** размышления, которое в области Da-sein испытывает истину Бытия — не сущего и не сущности сущего (метафизики).

О ПРАЗДНИКАХ И ИСКУССТВЕ

Прежде искусство как поэзия основывало праздник. Теперь нуждаются в «праздниках», т. е. в голой шумихе (Rummel), чтобы «чествовать» искусство, которое уже ничто. Где во всем мире когда-либо был «праздник искусства»? Эта «идея» есть порождение чисто «технического рассудка».

Видимость (Der Schein), будто прошедшее не имеет нам ничего сказать, проистекает из заблуждения (Verirrung) в неспособность слышать пребывшее (Gewesene).

ОРГАНИЗАЦИЯ (ORGANISATION)

Возбуждаются по поводу того, что она «пуста». Нет никакой организации, которая была бы пуста. Ибо если она кажется таковой и одновременно столь соразмерна и необходима, как она есть, то она кажется пустой, потому что она есть **организация самой пустоты**.

Организация нигилизма.

Кто среди людей способен когда-либо продумать, угадать или даже испытать безусловное одиночество самого Бытия в забытьи Бытия (Seinsvergessenheit) нововременной истории Бытия?

О ДИАЛОГЕ МЕЖДУ ПОЭЗИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ

Недавно распространяющаяся болтовня (Geschwätz) о поэзии и философии столь запутана, что трудно было бы решить, что менее понято: стихотворение (Dichten) или мышление — если бы кто-либо вообще мог пуститься в эту безосновную речь. «Указание» на **Гёльдерлина** — как на поэта поэта — до сих пор было тщетным.

Как существо поэта может быть только **с-поэтизировано (sich dichten läßt)** как существо поэзии, точно так же существо мыслителя может быть **мыслительно (denkerisch) мыслимо (gedacht)** только как существо сущностного мышления.

Историки философии и литературы, которые как историки по профессии никогда не могут знать, что есть «мышление» и что есть «поэзия», должны были бы наконец прекратить бесплодные разговоры об отношении философии и поэзии. Эти «проблемные постановки» напоминают деяния «дикарей», которые пытаются — и как слышно, с большим успехом — трением двух предзаданных друг о друга палочек высечь из них «огонь». Такая почвенно-, целе- и без-понятийная болтовня порождает лишь видимость, будто дело теперь в **чистом (im Reinen)**, будто его можно вообще «уладить» через такую речь «о» мышлении (вместо того чтобы в самом мышлении) и через такую речь «о» поэзии (вместо через поэзию и слышание поэтов).

Понимание поэтического существа Гёльдерлина и существа поэзии возникло у меня из опыта мышления единственного вопроса мышления: вопроса об истине Бытия. Историчность этого вопрошания могла в другой сущностной форме быть необходимостью в поэзии Гёльдерлина. Следует признать, что это истолкование поэзии исходит от «мышления» и потому не является чисто изначальным. Но оно, быть может, есть определение, которое должно быть вынесено с «отдельной горы».

ЧТО ЕСТЬ СЕГОДНЯ? (WAS IST JETZT?)

Если смотреть на действительное настоящего и будущей истории, то сейчас — эпоха безусловной **без-мысленности (Gedankenlosigkeit)**. Эта безмысленность необходима; она покоится не на «недостатке» и нехотении, а на самом **«воле к воле» (Willen zum Willen)**. «Мысль» здесь разумеется в смысле **вдумывающего (andenkenden)** мышления.

Сейчас — время воли к воле. Воля к воле есть впервые чистое завершение **воли к власти (Willens zur Macht)**. Воля к воле впервые есть **завершенная действительность как таковая —** которая в **Гегелевском «абсолютном знании»** приходит к первому явлению.

ОПАСЕНИЕ СУБЪЕКТИВАЦИИ СУЩЕГО (ANGST VOR DER SUBJEKTIVIERUNG)

Снова и снова возникает опасение, что сущее «само по себе» могло бы быть «субъективировано». Это страх теологов, которым не по себе от **вещи в себе (Ding an sich)**, ибо без нее для них ничего не было бы «налицо», что они заранее могли бы объяснить как сделанное и делаемое **prima causa**.

Странные гримасы «объективной» онтологии и «онтологии» вообще, которая мнит, что речь идет о **ὄν**, тогда как «только» и впервые **ὄν ᾗ ὄν** (сущее как сущее) **— τὸ εἶναι** (бытие) должно было бы быть наконец поставлено в вопрос (в какой?). При опыте этого «должен» (muß), которое не есть дело улучшения «науки» философии.

О ВОСПРИЯТИИ «БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ»

Всё еще множатся «книги», которые якобы излагают мою «философию». Нигде еще никто не догадался понять вопрос «Бытия и времени» из основного черты западного мышления и определить его. Вместо этого помогают себе безосновными и случайными перспективами сегодняшнего мнимого (Meinens), из пут которого «Бытие и время» как раз и должно освободить мышление. Всё тот же стиль, что был применен в 1927 году при появлении «Бытия и времени» — выискивание зависимостей и резонирование по поводу отдельных понятий. Нигде не видно следа подлинного вопрошания! Отчего это? Потому что всякая подлинная и сущностная передача (Überlieferung) мышления уже утеряна. Начиная с Гегеля, эта передача отрезана. Ницше — только суррогат. А философская история забывает, что она должна трактовать о мышлении, т. е. сама мыслить, чего она как история, конечно, никогда не может.

ГЁЛЬДЕРЛИН И НИЦШЕ (HÖLDERLIN UND NIETZSCHE)

То, что Гёльдерлин и Ницше всё еще и всё упорнее называются вместе, соответствует растущей безмысленности, имеющей свое основание в неспособности испытывать историю. Эта история есть скрывающая себя (не просто упущенная историками) **история Бытия (Geschichte des Seyns)**. В эту историю впадает метафизика.

Бездонное различие (Der abgründige Unterschied) между Гёльдерлином и Ницше состоит в том, что Гёльдерлин, хотя и раньше уже и в более высокой округе, принадлежит метафизике и, однако, есть предвестник ее преодоления. Ницше же, напротив, явно стоит в эпоху **о-коне-вания (Verendung)** метафизики и, однако, менее всего есть преодолевающий, но **побежденный и целиком ею поверженный (Erlegene) —** настолько поверженный, что он только грубо увеличивает ее грубейшее и произвольно мечется в ее истории со своим учением о ценностях как «моральным» учением.

«Новое упорядочение» (Neuordnung) есть тоже «порядок»; есть нововременное мышление; есть только перестановка прежнего; есть забвение истории.

Пребывшее (das Gewesene) — изначально сущностное — не есть прошедшее. Только пребывшее есть не-преходящее.

О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

С 1920 года я впервые в Германии порвал с обычным предприятием (Betrieb) историко-философских лекций и пытался истолковывать только отдельные произведения и трактаты мыслителей. Пусть теперь не делают вид, будто это само собой разумеется или будто тогда это было очевидно — в то время, когда, как и сегодня еще, даже профессиональные истолко-

ватели, филологи, только рассказывали истории о литературе из исследований, запутывались в контроверзах исследовательских проблем и использовали произведения лишь как повод для «исследований». Установка и сегодня та же. Переменились только намерения **научного ангажемента (Wissenschaftseinsatzes)**.

Крутая, одинокая ель на гребне Хеммерлевальда (Hämmerle-Waldes). Внизу падает склон и лежит со своими низкими елями, кустами и папоротниками на солнце летнего утра.

О ЧЕСТИ (EHRE)

Кто без достоинства (würdelos) всё сущностное народа отдает нивелированию и уничтожает всякий подъем в корне, тот не имеет права выступать как защитник «чести» немецкого народа. Существо чести становится позором, когда «честь» и ее возглашение низведены до орудия власти.

МОДА НА ЭКСПЛУАТАЦИЮ ПОЭТОВ (DIE MODE, DICHTER AUSZUBEUTEN)

Теперь возникает, быть может, из недостатка мыслей и из непонятой нужды, не знающей подлежащего мышлению, мода произвольно эксплуатировать «поэтов» и использовать их как источник для мыслей. Быть может, мнят, что это повод и основание моих примечаний к Гёльдерлину, которые многие воспринимают как «занятие» Гёльдерлином. Против этой обычной глупости ты беззащитен.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ (WELTANSCHAUUNG) нуждается в философской учености, которая остается «наукой» и никогда не может стать «философией». Мировоззрение не может использовать мыслителей. Этим, конечно, не решено, могут ли мыслители быть. Их «Da-sein» определяется не по потребности и также не по «пользе» для «народа» (под чем, смотря по потребности, разумеется разное — чаще всего большую массу и огорошенное (verstädterte) сельское население, работающее в производственной промышленности).

Во время технической организации всё сущностное подвержено опасности, скорее и иначе, чем прежде, быть тотчас подражаемым, более ловко и быстро выполненным и выставляемым напоказ. Ибо здесь недостает всякой нужды изначального принуждения. Здесь достаточно быстро схватить трюк. Так то, что произошло не из «работы» и расчета, тотчас преобразуется в занятие (Beschäftigung). Скоро будут в большом «масштабе» «заниматься» Гёльдерлином. И будут делать это еще «лучше». И всё же всё блуждает? Потому что недостает благословения (Segen), остановки (Innehalten) и долгого ждать. А это отсутствует — потому что изначальное остается. Так может случиться, что подлинное мышление порождает и укрепляет свою противоположность. И противоположное могло бы даже одно остаться. Это — высшая форма опустошения (Verwüstung). Здесь — организация засухи и не-сметь-больше-расти.

О ГЁЛЬДЕРЛИНЕ И НЕМЕЦКОМ СУЩЕСТВЕ

Можем ли мы уберечь поэзию Гёльдерлина от того, чтобы стать предметом исследования? Немцы исследуют всё и тем самым лишают себя своего собственного.

Время немцев еще не истекло. Но облик их будущей истории лежит в сокрытом.

«Потери» должны превратиться в иное, более безмолвное достояние (Eigentum) и стать истоком (Ursprung).

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ГЁЛЬДЕРЛИНА

Лишь когда я в собственном мышлении испытал, что нуждой (Not) является впервые помыслить существо сущностного мышления и при этом не впасть в пустую рефлексию о рефлексии, я познал существо Гёльдерлина: что там поэт должен был изначально **с-поэтизировать (dichten)** существо поэзии.

Тот опыт лежит в вопросе о «смысле бытия», ибо это вопрос истины бытия, каковое бытие (Sein) только и сущностно действует (west) как бытие истины (Sein der Wahrheit). Отсюда впервые должно решиться, что есть мышление, если оно получает свое существо из подлежащего мышлению (zu Denkenden), которое требует мышление не только как способ схватывания

«предмета», но в своем существе как истина и бытие **с-бывает (sich ereignet)** мышление — устойчивость (Inständigkeit) в вопрошании.

Ответственность за каждое слово растет, когда мысли мыслят всё в Единое (Alles in Eins), что сейчас есть на этой блуждающей звезде (Irrstern), которую они называют «Землей».

Боль (Der Schmerz) есть чистая форма вынесения (Austrags) истины Бытия.

О НАСИЛЬСТВЕННОМ (GEWALTSAMEN)

Внимания заслуживает «факт», что в мышлении, которое чисто определено из **осторожности (Behutsamkeit)** для истины Бытия, находят только насильственное. Или же это «насильственное» должно было бы быть знаком чуждого (Befremdlichen) для эпохи, которой, согласно ее вычисляющей самоуверенности, всё осторожное необходимо остается чуждым?

ПЕРЕД ГИБЕЛЬЮ (VOR DEM UNTERGANG)

Перед гибелью пугается только тот, кто никогда не может знать начала.

АФОРИЗМЫ (APHORISMEN)

Афоризмы — двусмысленная форма высказывания. Они могут проистекать из полноты и не справляться с ней. Тогда они — крики нужды (Notrufe) и предварительные знаки для неисчерпаемого.

Но они могут происходить и из пустоты и только хотеть прикрыть ее. Они — готовые после-сказывания (Nach-sagen) уже-сказанного. Пагубное подражание Ницше порождает сегодня множество таких афоризмов ничтожества, которые симулируют видимость «духа» и хотели бы внушить, будто они совершают размышление и обдумывание. Они — беглые затушевывания безмысленности; никакие не «созерцания» (Andachten). Ср. ниже.

О ПОРЯДКЕ И БЕСПОРЯДКЕ

Где не упорядочивается, там обнажаются открытые места для входа изначального в еще сокрытых обликах. Тогда — время осторожности (Behutsamkeit) посреди неистовства вычисления. **Порядок (Ordnung)** есть обеспечивающее устройство (einrichtende Einrichtung) пустоты воли к воле, чья бесцельность служит стеной против света Бытия.

ОПИСАНИЕ ПРИРОДЫ (ВОЗВРАЩАЕТСЯ МОТИВ ЕЛИ)

Северо-восток веет — в ясное утро летнего утра. В сумерках между ночью и днем стоит обособленная ель на гребне Хеммерле. Утренняя звезда золотой восходит над Штюбенвазен (Stübenwasen) и приветствует полную луну, которая через Хорн (Horn) странствует к западу.

Примечания к «Andenken» (Воспоминанию) завершены.

На этой земле, ставшей блуждающей звездой, бушует война.

Вечером того же дня приходит полевая открытка Йорга (Jörgs), что он 1 сентября будет в Германии.

ПЕРЕХОД МЫШЛЕНИЯ К МЫСЛИТЕЛЯМ

История Бытия (Geschicht des Seyns) переходит к мыслителям, так, конечно, что лишь из этого перехода и через него эти мыслители пере-собствуются (über-eignet) в свое существо. Прежде должна быть бедность (Armut) изначального знания, которое **устойствует (inständet)** в существе истины. Только тогда слово поэта может найти слух по-своему. Непосредственное усилие понять поэта есть двусмысленный окольный путь (Abweg).

МЫСЛИТЕЛЬ ПРОДВИГАЕТСЯ (DER DENKER KOMMT WEITER)

Мыслитель продвигается только так, что он ближе подходит к близости ближайшего, каждый раз проглядываемый безмысленными. Продвижение дальше (Weitergehen) здесь есть постоянное **не-теряние начала (Nichtverlieren des Anfangs)**.

ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ ТЕХНИКИ

Высшая ступень техники достигается тогда, когда она, как **самопожирание (Verzehr)**, уже не имеет более ничего, что пожирать — кроме себя самой. В каком облике совершается это самоуничтожение? Мы можем ожидать его на основании присущей ее существу **неостановимости (Unaufhaltsamkeit)** ко всё «новейшему» — т. е. более пожирающему.

БОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННО: ПОДЛИННО DA-SEIN (WAHRHAFT DA-ZU-SEIN)

Сегодня существеннее подлинно **быть-при- (da-zu-sein)**, чем «действовать». Слишком много действуют. Яйцеклеточное (eiervolle) обговаривание того, что должно стать в будущем и как «будет выглядеть» история, как надо мыслить себе будущее, всё это — заботы по способу упорядочивающего планирования. Это — возвраты в преодоленное.

В эпоху завершения метафизики существенно знать, что мы должны просто быть-при (einfach da sein) в простом знании Бытия. Трудно мыслить медленное слово Бытия — если еще можно думать о том, трудно или легко что-либо. В любом положении это мышление и его устойчивость тяжелее любого рода героизма.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К МИРОВО-ИСТОРИЧЕСКОМУ ИСПЫТАНИЮ НЕМЦЕВ

Мы приближаемся к мгновению мирово-исторического испытания немцев: способны ли они испытать и сделать обитаемой область по ту сторону рационализма и иррационализма? Почему мы сами себе препятствуем в судьбе — пробудить сегодняшние силы и строить их облик?

РЕВОЛЮЦИЯ (REVOLUTION)

Ее существо мы должны наконец понять **революционно**, т. е. **словесно (worthaft)** как **от-катывание (Rückwälzung)** существа в изначальное. Подлинный революционер не приносит ничего нового, ни сохраняет старого, он пробуждает изначальное.

ПРОСТОЕ DA-SEIN В МЫШЛЕНИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ

В мышлении мыслителей есть простое Da-sein, поскольку они держат свое сказывание у источника опыта для того, что с-бывается, оставаясь несказанным. Мыслитель, который должен говорить и не может обойтись без слова, имеет тем не менее простое предназначение в «действие», которое есть перед всяким делом, деланием и действием голое Da-sein. Только в этой области истории мышления мы испытываем, что с-бывается (sich ereignet).

ТАЙНА НЕ-СУЩЕСТВА (DAS GEHEIMNIS DES UNWESENS)

«Узнавание» и «знание», которые предлагаются нам «науками» и «жизненной практикой», есть в истине везде **τέχνη**, которая как **себя-вызнавание (Sichauskennen)** везде всё «знает», опережая подлежащее знанию через объяснение и становясь тем самым господствующей над ним для целей овладения. Мыслительное знание не хочет опережать сущее через предоставление нового сущего, которое объясняет. Мыслительное знание идет лишь тем ходом (Gang), чтобы прибыть к бытию (Sein) и отступить перед его истиной. Этот **шаг назад (Rückschritt)** сущностно отличен от необходимого для всех наук и всех практик прогресса.

СОКРОВЕННЕЙШЕЕ СУЩЕСТВО ВЛАСТИ (DAS VERBORGENSTE WESEN DER MACHT)

Есть неуверенность (Unsicherheit) и страх перед ней.

СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИК

Современный историк, чье занятие есть форма журнализма, должен читать столько книг и актов, постоянно обсуждать столько прочитанных книг и сам изготовлять столько книг, что от него нельзя еще требовать, чтобы при этом деле он схватил какую-либо мысль и продумал ее, рискуя, что продумывание могло бы задержать деловую деятельность.

ЧИСТОЕ СУЩЕСТВО ГРЕЧЕСТВА (DAS REINE WESEN DES GRIECHENTUMS)

Чистое существо гречества: сущее, посреди которого греки как сущие были чужды, — это и они сами, и отношение бытия к ним — в простом **сущностном строении (Wesung)** от **ἀλήθεια** (непотаенности) показывать и испытывать. **τὸν μῦθον** и **τὸν λόγον** — каждое слово и образование чисто, но не вынужденно и схематично-педантично — из **ἀλήθεια** испытывать.

Мы должны каждый день заново давать взгляду покоиться в неразрушимом (Unzerstörbaren). Из этого покоя проистекает всякое движение.

АНТИХРИСТ (ANTI-CHRIST)

Антихрист, как и всякое «анти-», должен происходить из того же сущностного основания, что и то, против чего он направлен, т. е. как «христианин». А этот происходит из **иудейства (Judenschaft)**. Иудейство есть в эпоху христианского Запада, т. е. метафизики, **принцип разрушения (Prinzip der Zerstörung)**.

Разрушительное в **обращении (Umkehrung)** завершения метафизики — т. е. метафизики Гегеля через **Маркса**. Дух и культура становятся **надстройкой (Überbau)** «жизни» — т. е. хозяйства, т. е. организации — т. е. биологического — т. е. «народа».

БОРЬБА «ИУДЕЙСКОГО» С ИУДЕЙСКИМ

Когда сущностно «иудейское» в метафизическом смысле начинает бороться против иудейского, тогда достигнут пик **самоуничтожения (Selbstvernichtung)** в истории — при условии, что «иудейское» повсюду полностью захватило господство, так что даже борьба «против иудейского» и именно она прежде всего попадает в подвластность (Botmäßigkeit) к нему.

Отсюда должно быть оценено, что для мышления в **сокровенное изначальное существо истории Запада** означает **воспоминание (Andenken)** о первом начале в гречестве, которое осталось вне иудейства и тем самым христианства.

ЗАТМЕНИЕ МИРА (DIE VERDÜSTERUNG EINER WELT)

Затмение мира никогда не достигает тихого света Бытия.

Сейчас мы не должны вести «историческую» болтовню и писанину «о» Западе, но следует **быть западными (abendländisch sein)** — т. е. изначальнее позволить началу начаться (anfänglicher den Anfang anfangen lassen).

Прохождение мимо (Vorbeigehen) вычисления власти. **Вхождение (Einkehr)** в ожидание игрового пространства (Spielzeitraums) истории.

Что в целях, ценностях, поручениях, вкладах вычисляется и должно мыслиться, показывает, каким образом историческое уже ввергнуто в не-историю (Ungeschichte). Сущностная история не нуждается в целях. Она покоится в истине.

Не то, чтобы копошащаяся масса была сохранена и ее **жизненный стандарт (Lebensstandard)** — хотя бы хозяйственное пропитание (Auskommen) — оставался обеспеченным, есть исторически сущностное — но то, что Бытие — как светящееся поле (Gefild) присутствия и отсутствия смотрящих — хранится, и истина Бытия становится собственностью (Eigentum).

Отказ (Absage) от внимания принадлежности в Бытие есть **самая жестокая опустошение (Verwüstung)** нашего собственного исторического существа.

Событийно-исторически незначительное (Das seynsgeschichtlich Belanglose) пользуется преимуществом исторической мировой публичности.

«Возвращение на родину» (Heimkunft) есть будущее нашего исторического существа. Здесь не определяют «цели». Теперь настраивает только начало.

Выдача в запустение (Preisgabe in die Verwahrlosung) истины.

Мое место рождения и моя родина лежат между верхним течением **Истра (Ister)** и **Боденским озером**.

О НЕУДАЧЕ МЫШЛЕНИЯ «БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ»

Если о мышлении в «Бытии и времени» может быть сказано нечто верное, то оно лежит в утверждении, что это мышление «на пути» **потерпело неудачу (gescheitert ist)**. Здесь — **терпящее неудачу мышление (scheiterndes Denken)**, но ни в коем случае не философия «о» неудаче (Scheitern), какая философия становится возможной только там, где мышление с тем, что остается подлежащим мышлению, а именно с истиной Бытия, по форме находится «в чистоте» (im reinen) в том смысле, что оно о ней вообще ничего не знает и считает бытие безусловно само собой разумеющимся и установленным.

Основной опыт моего мышления начиная с подготовки «Бытия и времени» (1921) есть опыт, что само бытие (Sein) остается в **забвении (Vergessenheit)**, что это пребы-

вание (Bleiben) каким-то образом при-надлежит (eignet) самому бытию, а необдуманность (Unbedachte) человека есть только следствие. Ср. **Парменид, «Алетейя», Wiederholung, M.a., S. 11.**

НИКОГДА НЕ БЫЛО БЫ ВЫНОСИМО (NIE WÄRE ES ZU TRAGEN)

Никогда не было бы выносимо то, что дают жертвуемые (die Geopferten), если бы каждый час не был посвящен грядущему (Kommenden). Уже простое принесение дней в делах есть **святотатство (Frevel)**.

О ПСИХОЛОГИИ (PSYCHOLOGIE)

В моргающей осознанности (blinzelnden Bewußtheit), с которой человек себя глазеет, направляет, преследует, выслеживает, утрачено человеческое существо. Специально изобретенное устройство этой осознанности называется **«психология»**. Безразлично, какого рода ею заниматься — как ремеслом или в подчеркнутом раздувании до антропологии.

О ВОЛЕ (DER WILLE)

Самое опасное из всех оружий, самое разрушительное из всех орудий уничтожения есть **воля**. Что же тогда, когда **воля к воле** является как бытие всего сущего? Ср. 34.

«Пребывание» (Bleiben) из голого **оставания (Übrigbleiben)** во всем уничтожении — есть ли это вообще бытие? Не есть ли это скорее **не-существо (Unwesen)** всего бытия? Это оставание как **экзистентная без-коренность и бес-помощность** — и ничего больше. Не есть ли всякое «либо-либо» (Entweder-Oder) само заблуждение (Irre)?

Поскольку сущее оставлено бытием (Sein), поскольку бытие выдало себя в не-существо, нет пути через делание и вычисление привести сущее в Бытие (Seyn). Сначала само Бытие должно быть сохранено в своей истине. Для такого времени нужно только: **пустить корни размышления (Besinnung) сущностного мышления глубже**, остановиться и ждать. Это **не-действие (Nicht-Handeln)** есть не ничегонеделание. Оно готовит **игровое-пространство (Spiel-Raum) просвета (Lichtung) Бытия (Seyn)**.

Мочь обходиться без сущего (без поворота и отворота к предметному), но **не мочь быть без того, что не есть сущее**.

Не-существу бытия, т. е. воле к воле, соответствует **вооружение (Rüstung)** как **обеспечение наличного запаса (Bestandsicherung)** обеспечения и его средств, т. е. «оружия»: вооруженное обеспечение «мира», новое упорядочение «мира».

Воля есть заграждение (Versperrung). Всё заграждающее (Sperrige) происходит из воли. При этом воля еще хочет создать видимость, будто она есть та, которая свободно отдает себя чему-то. Они даже привыкли искать **свободу (Freiheit)** в соседстве «воли».

ХИЖИНА (HÜTTE)

Тишина природы и простота всех вещей вокруг теперь выносимы только тогда, когда дух (Geist) приносит им навстречу высшую уступчивость (Fügsamkeit) и строгость мышления.

О ПРАВИЛЬНОСТИ НЕ-ИСТИННОГО (DIE RICHTIGKEIT DES UNWAHREN)

Самое жуткое (Das Unheimlichste) есть **правильность не-истинного (Richtigkeit des Unwahren)**; что повсюду (там, где бытие в видимости загораживается как правильное и дающее меру) **вы-вычисляется (herausgerechnet wird)** правильное, и что этот расчет вразумителен и находит согласие, так что всякое размышление о другом не только прекращается, но вообще себя упускает (sich vergibt).

Крайнее заблуждение (Die äußerste Irre), которое порождает из себя ложное мнение (Irrmeinung), будто **Da-sein** и отношение к бытию можно **произвольно (willentlich)** установить и устроить. Только самое плоское и общее сущего есть **устраиваемое (einrichtbar)** и несет в себе уже самопожирание и потребление, так как всякое устройство такого рода живет из «недостатка» и имеет его своим единственным объектом.

Без-вольность (Willenlosigkeit) как голое противоположное воли внутри воли к воле. Она есть знак того, что изначальнейшие сущностные возможности не размыкаются (entbergen)

и потому неизвестны. **Отупение (Stumpfwerden)** воли — есть все еще воля; даже как противо-воля (Widerwille) к воле.

НЕСОМНЕННЫЙ ПРИЗНАК «ЛИТЕРАТОРА» (DAS UNTRÜGLICHE KENNZEICHEN DES «LITERATEN»)

Он всегда на пол-носа (Nasenlänge) забегает вперед современников и удивляет их тем, что они потом могут сказать: «собственно» написанное литературой точно описывает факты. Так около 1930 года обожествляли **«рабочего»**. Теперь принимаются против «техники» мобилизовывать мир и открывать мифическое. Каждый раз та же безответственная, т. е. безмысленная, игра (Spielerei) в игре (Spiel). «Занимаются» «временем».

Опасность выброса (Ausschlages) в голое отвращение (Widerwillen) к воле. Время завершенной бес-помощности.

ПСИХОЛОГИЯ КАК КОНЕЧНАЯ ФОРМА МЕТАФИЗИКИ

«Психология» как конечная форма неизбежно в антропологию толкающей метафизики есть завершенная организация **технической инквизиции (technischen Inquisition)** по отношению к человеку и миру. Но она одновременно есть также знак завершенного **само-искалечения (Selbstverkrüppelung)** человека.

Бессмысленность мира (Die Sinnlosigkeit der Welt) и без-мысленность человека находятся в необходимом соответствии внутри бытия как воли к воле.

СТРАХ ПЕРЕД АБСТРАКТНЫМ (DIE ANGST VOR DEM «ABSTRAKTEN»)

Безмерный и постоянно свидетельствуемый страх перед «абстрактным» и «общими понятиями» есть бес-помощность перед неизбежным бытием, которую нельзя заглушить никакой **деятельностью (Betriebsamkeit)** внутри сущего. Этот страх есть несомненный признак всех **«героиков» (Heroiker)**, которые занимаются «героизмом» как бизнесом.

«ШТИФТЕР» (STIFTER)

Его читают теперь чаще. Но современный человек не может понять Штифтера, потому что он его либо ценит как бегство в прошлый мир, либо отвергает как недействительное и слабое улетучивание жизни и любовь к устаревшим вещам.

ТАЙНЕ БЫТИЯ СООТВЕТСТВУЕТ (DEM GEHEIMNIS DES SEYNS ENTSPRICHT ES)

Что одновременно с **против-складом (Wider-fug)** опустошения случается **склад (Fug)** начала и что оба проходят мимо друг друга, друг друга не зная.

Ветряное колесико (Das Windrädchen).

О ФИЛОСОФСТВОВАНИИ О БУДУЩЕМ (ÜBER DIE ZUKUNFT «PHILOSOPHIEREN»)

Кто хочет видеть много призываемые факты настоящего, должен «философствовать» о будущем. В зависимости от того, как это происходит, удается то или иное. Кто здесь пренебрегает мышлением, хотя и видит «факты», но видит только постоянные подтверждения своей воли, т. е. не видит встречающего, а только себя самого в не-узнанном себялюбии (Selbstsucht). Эта слепота в постоянном заклинании только фактичного есть **ослепление (Verblendung)**.

Большинство людей мнит, что они обдумывают (denken) какое-то дело, когда они резонируют (räsonnieren) о нем.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОЭЗИИ И КРАСОТА

После того как им растолковали стихотворение так, что они больше не могут утопать только в тупом тумане звенящих слов, они возражают, как только понимают слово, что через объяснения «красота» поэзии разрушена. Как будто прекрасное могло бы быть прекрасным, не будучи истинным. Как будто объяснение, которое только указывает на чистоту истинного, выдвигает требование отказаться от прекрасного.

У нас есть боли (Schmerzen), потому что **боль (Schmerz) имеет нас**. Она имеет нас, потому что она, событийствуя (ereignend), начинается в **событии (Er-eignis)**.

ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО (О СУДЬБЕ МЫШЛЕНИЯ)

В том, что я пытаюсь мыслить и как всё при этом до сего часа шло, я снова и снова испытываю благословение определенности (Bestimmung), что из этого говорит порука (Gewähr) для оберегания (Behütung), которое переживет все большие обрушения (Einstürze).

Прислужники не-склада (Schergen des Un-fugs) мировой истории при ее о-коневании в глупую волю к воле.

Что только живет из о-коневания, не нуждается в том, чтобы быть законченным. Всякое о-коневание длительно в себе и в своих последствиях. Всякое торможение, которое хотело бы его остановить, продлевает длительное. Длительное, однако, может повсюду пользоваться гигантскими скоростями и не становится от этого в себе быстрее.

ИНОГДА КОЕ-КТО ВНЕЗАПНО ПРИВОДИТСЯ ТУДА (BISWEILEN WIRD JETZT MANCH EINER UNVERSEHENS DORTHIN GEBRACHT)

Куда устойчивое мышление (inständige Denken) на каждой своей тропе (Stege) само по себе идет. Кое-кто теперь учится позднему удивлению о том, что **Da-sein**, о котором он лишь малое чует, всегда возникает из сокрытого **ухода (Abschieds)**; что этот уход не есть нечто мрачное, что так накладывается на всё, но есть **простой свет всего Бытия**.

Во всё вторгается теперь беспокойство (Unruhe) поздней поспешности (Übereilung), которая есть знак смятения (Verwirrung).

Затмение мировой истории свидетельствует о ее неспособности быть не-бессильной (wehrlos) против **не-склада (Un-fug)**, потому что она не способна его знать. Даже затмение еще питается от тихого света Бытия и не может его ни пожрать, ни даже помутить. Мы должны слышать голос света.

«ГЁЛЬДЕРЛИН И НИЦШЕ» — ИМЕНА (HÖLDERLIN UND NIETZSCHE – NAMEN)

Это странно блуждающее совместное называние (Zusammenstellung) имен сделало привычным **Стефан Георге** и его круг. Это было возможно, потому что утопали в турбулентной метафизике, чью учительную форму изготовил **Клагес (Klages)**. Прикрывающим образом (Verhüllenderweise) совместное называние может быть использовано, когда есть знание о **несравнимости** названных и о событии, которому они проистекают: а именно, что **исторически-временной более ранний (Гёльдерлин) уже прошел мимо более позднего (Ницше)** — и не мимо него как особого мыслителя, но мимо него как метафизика.

Смятение в заблуждении достигает, однако, вершины, когда Гёльдерлин делается **«швабским Ницше»**. Но если уже должны быть названы имена и Гёльдерлин не должен быть назван один, то мы должны сказать: **Гёльдерлин и — Штифтер**. Конечно, это тогда имена, которые не «литературно-исторически» или «историко-духовно» выделяют величины и не произвольно соединяются по особому вкусу. Это совместное называние не может быть оправдано исследованием прошедшей истории поэзии и нахождением «связей». Оно есть **воспоминание в будущее (Erinnerung in die Zukunft)**, которое не хотело бы быть пред-сказыванием (Vorhersagen).

АНТРОПОЛОГИЯ (ANTHROPOLOGIE)

Статья, автор которой принадлежит к «руководящим людям» сегодняшнего официального первобытно-исторического (urgeschichtlichen) исследования, заканчивается следующим предложением:

«Нет ни одного вида животных, чье видовое развитие так хорошо подтверждено первобытно-историческими находками, как развитие человека.»

Иначе слышишь заверение, что материализм марксистского мировоззрения преодолен. Для суждения об этом роде антропологии уже стало безразлично знать, к какому роду первоживотных (Urtieren) эти антропологи сами себя причисляют. Копошатся (wälzt sich) в болоте антропологии и не чуют ничего из того, что с-бывается.

Странно, как человек блуждает мимо собственного существа и загоняет себя самого в пустыню.

В КАКОЙ МЕРЕ МЕРТВЫЕ БЛИЖЕ НАМ, ЧЕМ ЖИВЫЕ?

Кто суть мертвые? Что есть смерть? Она есть **прибытие (Ankunft) истины Бытия**. Почему мы так редко повинуемся простой близости мертвых? Почему мы допускаем, чтобы между ними и нами прокладывались препирательство и копание (Hadern und Grübeln) или же гордость, с помощью которой мы только раздуваемся, будто мы могли бы за то, что павшие пали. Подлинность и постоянство нашей скорби измеряется тем, способны ли мы во **воспоминании (Andenken)** хранить то, чем павшие для нас самих и для нашего очищения (Läuterung) через свою близость являются и хотят быть. Что тут должна делать «гордая скорбь»? Гордость подобает исключительно как преимущество самим павшим. Но они более не нуждаются в пустоте и малой самонадеянности (Anmaßung) гордости. Она всегда есть признак самости (Eigenschaft). Как же эта самость еще может протискиваться туда, где элемент Da-sein стал только принадлежностью (Zugehörigkeit) к Бытию и все вожделения (Süchte) разлетелись?

Шум переживаний (Erlebnislärm) всё еще заглушает неприметное глубочайшей боли.

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Что есть в современную эпоху мировой истории, имеет характер двусмысленного (Zweideutigen): это о-коневание (Verendung) голого господства действительного в облике действенного (Wirksamen); но это одновременно нужда (Not), в которой является простое Бытие с непритязательным притязанием (Anspruch) быть хранимым в своей истине (ср. S. 56 f.).

Устойчивое мышление (Das inständige Denken) остается непознанным и неуслышанным, присвоенным началу.

ПИСЬМО ИСТОРИКА (EIN HISTORIKER SCHREIBT MIR)

Историк пишет мне относительно последних страниц моего эссе о платоновской пещере:

«Если бы я должен был думать: началась также не-историческая (ungeschichtliche) эпоха, также история была бы правильностью, но за историей пришла бы также непотаенность (Unverborgenheit), тогда я начал бы бояться.»

Вероятно, историк понимает под «историей» **историографию (Historie)**, тогда в самом деле так, как он гипотетически говорит. Историография есть только одна форма техники в сущностном смысле. Настало время, чтобы некоторые начали «бояться», т. е. иметь страх и быть ужасом. Но тем самым страх как раз излишен и мелочен. Только когда власть историографии сломлена, история снова имеет свой простор. Тогда есть **судьба (Geschick)** и тогда есть **открытость (Offenheit)** для **приличного (Schicklichen)**.

О ЧЕСТИ (EHRE) И ДОСТОИНСТВЕ (WÜRDE)

Честь может иметь только тот, кто **досточтим (ehrwürdig ist)**. Достоин чести только тот, кто может **почитать (verehren kann)**. Почитание (Verehrung) означает: **дозволять и прилагать достоинство (Würde)** к тому, что само из себя всё впервые удостаивает (würdigt), что оно вообще в своем существе сущностно действует (west) и в этом себя-принадлежит (sich gehört). Это **удостаивающее (Würdigende)** есть **событие (Ereignis)**. Ближайшее, сокрытое и сокрывающее явление события есть **бытие (Sein)**. Бытие, однако, в своей истине еще забыто. Как же внутри забытья бытия возможно почитание и честь?

Теперь берут честь только как **затвердение (Versteifung)** на обеспечение (Sicherstellung) безусловной самости (Eigenschaft) слепой воли к воле. Такая страсть никогда не может знать, что есть во всем **ткущемся (Wibbaren)** прежде всего должное-быть-узнанным (das zuerst zu Wissende):

Сущностное (Das Wesenhafte) не может быть измерено ни через свое действие, ни вообще когда-либо в вычислении (Rechnung).

Те, кто малы в существе, как они могут мочь великое и, более того, познавать истину великого в том, что прежде всякой оценки скрывается в простоте изначального?

Только на одну звезду идти (Nur auf einen Stern zugehen) — и больше ничего.

ОТКУДА ПРОИСХОДИТ ПАГУБА (VERHÄNGNIS) В ИСТОРИИ НЕМЦЕВ?

Самое нужное есть ненужное (Das Nötigste ist das Unnötige). Знать ненужное и, зная, принадлежать ему — это есть происхождение (Ursprung) истории, которая остается недоступной для современного мира. Ненужное при этом еще отнесено к нужному (Nötige), которое полагается либо как физическая «жизнь» и ее сохранение, либо как метафизическая «жизнь» и ее обретение, либо как сцепление того и другого (первое — как проход ко второму). В такой отсылке к «жизни» повсюду «жизненно-важное» и полезное есть нужное, по отношению к которому происхождение физического и метафизического и их различение является как ненужное, когда мышление считает только с названным нужным.

Иллюзии воли разлетаются (zerflattern) в бес-помощности (Ratlosigkeit) мышления.

О БЕЗ-СУЩНОСТНОСТИ ГОЛОГО КОЛИЧЕСТВА (DAS WESENLOSE DER BLOßEN ANZAHL)

Без-сущностность голого количества и **размеров (Ausmaße)** сегодня демонстрируется. Боли и страдания необозримы. Ничего не меняется. Повсюду только расчет на лучшие времена или скрытое отчаяние. Что означает эта **окоченелость (Starre)**? Господство воли.

Голоя жесткость и ожесточение (Die bloße Härte und Verhärtung) в человеческом бытии есть вообще ничто. Это способен и камень; он даже не нуждается в том, чтобы сначала стать твердым (hart). Он стоит над человеком жесткости. Этот унижается (erniedrigt sich) под камень, причем остается сомнительным, есть ли камень нечто низкое. Во всяком случае, человек идет **под него**.

СУЩНОСТЬ «РАЗЪЯСНЕНИЯ» (WESEN DER «ERLÄUTERUNG»)

Событийно-историческое (seynsgeschichtliche), устойчиво мыслимое существо «разъяснения» есть **обретение очищения (Erlangen der Läuterung)** взгляда для Бытия к **чистоте и бедности (Lauterkeit und Armut) воспоминания (Andenkens)**, которое однажды из истины Бытия принимает привет (Gruß). Сначала оно (слово «разъяснение») может означать только столько же, сколько **комментарий (Kommentar)**.

«Разъяснения» идут мыслящим образом свой необходимый путь, так что одновременно поэзия Гёльдерлина также обретает свет, в котором ее слово говорит само собой. Заглавие **«Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung»** (Разъяснения к поэзии Гёльдерлина) есть **ведомо (wissentlich) двусмысленно (zweideutig)**. Собственное значение сохраняется защищенным через обычное и близлежащее. То проистекает из событийно-исторического размышления об отношении мышления и поэзии.

ЦИТАТА ИЗ ШТИФТЕРА («Известняк», Kalkstein)

«Dieses Bild des hohen Steges über den einsamen Fluß war nebst der Steingegend das einzige, das man von dem Pfarrhofe sehen konnte.» После грозы: *«Der hohe Steg senkte sich mit seinem abwärts gehenden Teile unmittelbar in dieses Wasser.» «... und der Steg stand abenteuerlich wie eine dunkle Linie über dem silbernen Spiegel.»*

КОНЕЧНАЯ ФОРМА ЗАВЕРШЕННОЙ МЕТАФИЗИКИ

Конечная форма завершенной метафизики есть **биологически-характерологическая психология** как инструмент возможного исчисления и управления (Steuerung) всей жизнью на службе ее обеспечения (Sicherstellung) с целью повышения (Erhöhung) жизненной воли.

БЛАГОДАРЕНИЕ (DER DANK)

Сквозь всю путаницу и безмерность нам навстречу приходит в тихом размышлении **пребывающее (Bleibende)**. В конце концов, навсегда — **благодарение (Dank)**. Ему расцветает **воспоминание (Andenken)**. Тайны покоятся в том, что мы мним знать давно, о чем каждый мыслитель уже мыслил и сказал свое последнее слово, которое остается всегда **перво-прежде-всего-словом (vorerstes)** и в этом укореняет свою неуничтожимость.

О ПРИСПОСОБЛЕННОСТИ К СКЛАДУ (FÜGSAMKEIT ZUM FUG)

Всякое **с-кладывание (Fügen) склада (Gefüges)** становится возможным только из **приспособленности (Fügsamkeit)** к **складу (Fug)**. Приспособленность (Fügsamkeit) серьезнее и одновременно легче, чем **служение (Dienen)**. Служение (Dienen) предается лишь тому, кому оно служит, и в **себя-предавании (Sichüberlassen)** находит удовлетворение, защиту и стиль. Приспособленность же есть **ответ (Antworten)**.

Там, где это не определяет **складывание, формирование, оттискивание (Fügen und Bilden und Prägen)**, стиль остается результатом изобретения и организации и вовсе не есть стиль. Стиль есть в истине никогда не результат в смысле того, что достигается. Стиль сам есть дающее (Gebende), потому что приспособленно складывающее.

Бес-стильность и кажимости стиля идут всегда вместе с недостатком **собранности (Sammlung)** из приспособленности. А она покоится в **памяти (Gedächtnis)**.

Приспособленность есть страдание (Leiden). Оно состоит в том, что оно **чтит выдерживание (Ausdauern) перед сокрытостью (Verbergung)** и несет его как **вспоминающий (andenkenden) отношение (Bezug)** (т. е. человеческий) к **непотаенности (Unverborgenheit)**.

Тот, кто может **вы-страдать (er-leiden)** это страдание, не становится «господином» над ним, но **устойствует (inständig)** в истине. Эта устойчивость постоянно вслушивается в меру склада (Fügung) и закон стиля.

Склад (Fug) веет на устойчивость (Inständigkeit) в легчайшем веянии. Она обладает чувствительностью, которая имеет еще иное, более вслушивающееся существо, чем нежные листья и ветви березы в неприметном веянии.

Эта «чувствительнейшая» приспособленность «имеет», не беря. Но она «имеет» и есть знание (Wissen) только тем, что **выносит (austrägt) и выстрадывает (ausleidet)** его как **незнание (Nicht-Wissen)**. Поэтому в происхождении мышления покоится эта высокая, в высоту склада достигающая **скорбь (Trauer)**. Поскольку же мыслитель человечески иногда отказывает (versagt) перед этой скорбью, он часто бывает только «печален (traurig)» — вместо того чтобы **скорбеть (trauern)**.

Что это скорбение может быть и должно быть — именно потому, что мыслитель, устойчивый в Бытии, позволяет сущему и действительному **ввинтиться (sich verwinden)** в это, не мня себя выше, — эту способность обычный рассудок не может понять, потому что ему недостает возможности опыта. «Стоическое» спокойствие есть только метафизическое спокойствие, достигаемое через отступление, через неподпускание, через отпор. Это «спокойствие» проистекает не из тишины.

ЛИЧНОЕ: ОТ МЕСМЕРХИРХА ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДА-SEIN

Временами кажется, будто мышление теперь стоит в переднем покое (Vorraum) будущего сказывания (Sagens). Позади меня и в то же время снова впереди меня тянется длинный путь от **месскирхского мальчика-шарманщика (Meßkircher Mesmerbub)** до теперешнего неприметного и неизвестного Da-sein в месте рождения. Впереди меня и всегда уже ободряя (ermunternd) позади меня — первый простой взгляд в некоторые более изначальные вопросы и их просветлевшие времена-пространства (Zeit-Räume).

НО СКАЗАНИЕ (DIE SAGE) и то, что удается нам как оформленное, в это время совершенно иначе угрожаемо — уже чисто механически и заранее тем, что оно оценено как ничтожное и не может развернуть своего собственного пространства.

В равнодушии (Gleichmut) нести и просветлять **выстаивание (Ausständigkeit)** повседневности.

Для нас существует только чисто решительная устойчивость (Inständigkeit) **воспоминания (Andenkens)** о будущем (Künftigen), в котором пребывшее (Gewesene) впервые чисто и постоянно-проще (einfacher) рядом (nahe).

Мировая тяжесть (Weltlast) для человеческого мышления о Бытии едва ли еще выносима. Голое, назло говорящее «всё же» (Dennoch) было бы ошибкой.

О ВОЛЕ И ЧУВСТВЕ (GEMÜT)

Менее всего повинуется воле **чувство (Gemüt)**. Всего скорее следует ей **телесное (Körperhafte)**. Если воля исключительно развертывается в этом, и это принадлежит к существу техники, то воля находится в господстве и полностью при себе самой. Она хочет воления, и телесное в облике механизма становится безусловным свитой (Gefolge).

Чувство (Gemüt) и память (Gedächtnis). Память и колыбель (Wiege). Колыхание (Wiegen) и способность приводить в движение (in Bewegung zu bringen). Только то, что **колыхает (wiegt)**, способно двигать **весы (Wage)**. Только то так колыхает, что было **колыханным (gewiegt)** и есть **колыбель (Wiege)**. Только **колыбленный в колыбели (in der Wiege gewiegte)** человек может **взвешивать (wägen)**. Только кто способен взвешивать, тот может **дерзать (wagen)**.

Всё: путь, поворот (Weg und Wäg), колыхание (Wiegen) и колыханое (Gewieges), взвешивание и дерзание (Wägen und Wagen) приходит как то же самое из **колыбели милости (Wiege der Huld)**.

Единственное обиталище (Behausung) для нашего существа есть наш **язык (Sprache)**, т. е. его слово как **колыбель сказания (Wiege der Sage)**. На этом обиталище мы должны строить **сказывающе (sagend)** и так спасать будущее жилье (Wohnen). Всё остальное бес-стойно (bestandlos) и без значимой формы (gültigen Form).

СЛЕДОВАНИЕ В СКАЗАНИИ (FOLGE IM SAGEN)

Следуй в сказании указаниям (Winken) слова. Избегай **истолкования (Deuten) бессловных слов (wortlosen Wörter)**.

Только в возвращении (Rückkehr) мы находим начало.

Возвращение начинается в обороте (Umkehr).

Оборот (Umkehr) есть тот поворот (Kehr), через который мы **поворачиваемся (zukehren)** специально и тем самым **едино-бывше (einstig)** к **лучу света (Lichtstrahl)**, который показывает нам собственное существо. Но это **собственное (Eigene)** есть чистая собственность (Eigentum) события (Ereignisses).

Чем сущностнее и историчнее определено стать человеческое Da-sein, тем нужнее и единичнее (einziger) предназначенный ему оборот (Umkehr).

Молчите в слове (Schweiget im Wort). Так обосновывается (gründet) язык.

Возвращение (Die Rückkehr) есть возвращение к тому, у чего мы никогда еще не были, что, однако, прежде чем мы были, уже было у нас и потому только в возвращении приходит к нам.

НЕИМЕНУЕМОЕ (DAS UNNENNBARE)

Все яснее становится, что для того, что сейчас есть, мы еще не имеем слова. Хотя всё из прежнего может быть выведено каузально, это всё же не есть просуммированная сумма действий предшествующих причин. Конечно, не легко ежедневно и каждую ночь подлинно пребывать в этом **не-называемом (Unnennbaren)**, вместо того чтобы постоянно натираться (stoßen und reiben) о самое повседневное.

Теперь в приподнятом равнодушии (gehobenen Gleichgültigkeit) существовать и в без-мужественном отказе (mutlosen Verzicht) — это близко многим. Но мы не можем принадлежать к многим. **Мужество (Mut)**, о котором идет речь, есть не мужество, которое должно дать разоблачить себя как последнее выражение страха (Angst) — мужество большинства «героических» — но **чувство (Gemüt)**, которое есть **цветок (Blüte) памяти (Gedächtnisses)**, как которое человек отвечает событию (Ereignis), принадлежа ему.

В сравнении с Бытием шум и гам (Getose und Getobe) «мировой истории» еще жалобнее и полое (hohler), чем шум балаганного театра и его актеров.

Быть может, несмотря на нужду (Elend), сейчас мало боли (Schmerz) в мире.

ВОПРОС К ЧЕЛОВЕКУ (DIE FRAGE AN DEN MENSCHEN)

Заманчивый (verfängliche) вопрос: «Что нам делать?» Освобождающий вопрос: **«Есть ли мы? (Sind wir?)»**

Всё до-просное (Fragwürdige) покоится в **досто-памятном (Denkwürdigen)**. Это есть **едино-бывшее единого (Einstige des Einzigen)**: **событие (Ereignis)**.

ЦИТАТА ИЗ ШТИФТЕРА («Вересковая деревня», Das Heidedorf)

«Dann sind andere, die das Gold ausbreiten, das in den Herzen der Menschen wächst, das Wort, und die Gedanken, die Gott aufgehen läßt in den Seelen.»

«ЕСТЬ» (ES IST) — ТРОЕКРАТНОЕ ПОЧТИ-АПОФАТИЧЕСКОЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ

«Es ist,» как будто **сползание (Wegsinken)** действительного (теперешнего облика сущего) приходит на помощь просвету (Lichtung) Бытия. Но Бытие манит из него самого, **уходя (sich entzieht)**, каковой уход впервые одновременно допускает сползание в о-коневание (Verendung) воли к воле.

«Es ist,» как будто **освобождено (gelöster)** из-за этого исчезновения струение (Strömen) света из Бытия в не-сказуемое (unsägliche) мышление. Но укрывающий (bergende) свет дарит себя только самому себе в **сбережении (Sparen) размыкания (Entbergung)**.

«Es ist,» как будто теперь Бытие (Seyn) нуждается для своего обитания (Behausung) в собственном существе в мышлении человека.

«Es ist,» как будто теперь исторический человек призывается (gerufen) **Бытию в память (ins Gedächtnis)**, которое есть его существо.

«Es ist,» как будто **воспоминание (Andenken)** с-бывается (sich ereignet).

Вспоминающе (Andenkend) одна только любовь любит; ибо только вспоминающе она может забывать свое собственное (Eigenes), которое не есть её.

ЦИТАТА ИЗ ШТИФТЕРА (продолжение)

«Dann wurde es ihm unendlich groß im Herzen, er wurde selig, daß er denken könne, was er dachte – und es war ihm, daß es nun so gut sei, wie es sei.»

ЕДИНО-ОЧЕСТВО К БЫТИЮ (DIE EIN-SAMKEIT ZUM SEYN)

Есть праздник тишины (das Fest der Stille). Готовить чествование этого праздника есть **призвание (Beruf) человеческого существа**. Это чествование основывает и строит, оно хранит жилье (Wohnen) человека в просвете Бытия.

ВТОРЖЕНИЕ АЗИАТСКОЙ СТЕПИ ? (DER EINBRUCH DER ASIATISCHEN STEPPE?)

Нет! Скорее, **отпущенная в гигантское (ins Riesenhafte losgelassene) обратная волна (Rückflut)** нововременного европейского через Европу к завершению самоуничтожения (Selbstzerstörung) ее существа. Техника, политика, ведение войны не показывают никакого следа «азиатского». Они показывают, однако, **большой стиль безусловной единообразности (Einheitlichkeit) воли к воле**, который осуществляет свои собственные условия в наибольшей возможной «простоте» форм и совершений (Vollzüge).

Что Европа в этой обратной волне еще не может себя узнать и еще не может принять за действительное, что теперь «только» восставший в ее середине дух нововременной метафизики «чествует» последние триумфы над ней самой, — что это такое? Что знают об «Азии»? Не есть ли то, что мнят в ней видеть, только **противо-образ (Gegenbild)** к воле к воле (кровавое бешенство — Blutrausch)?

ДЕЙСТВОВАНИЕ И СО-БЫТИЕ (WIRKEN UND EREIGNEN)

На пути, который **до-мысливает (zudenkt)** событие, лежит тихий свет. Откроет ли он когда-нибудь «**кроткий закон (sanfte Gesetz)**»? Он там, где не царит никакая каузальность. Уже давно я подозреваю, что за различием, которое движет стихотворением (Dichten)

Штифтера — различием между **малым и великим**, где малое есть великое, между **могучим (Gewaltigen) и кротким (Sanften)**, где кроткое есть могучее, — скрывается нечто иное. А именно то же, что разумеет **Гёльдерлин**, когда говорит, что «Германия» должна давать безоружный (wehrlos) совет. Это есть различие между **событием (Ereignen) и действием (Wirken)**, между **милостью (Huld) и волей (Wille)**. «Различие» здесь есть еще несоразмерная характеристика отношения.

В будущем (Inskünftig) мы должны сначала **пред-мыслить (vordenken)** в эту область события, если перемена (Wandel) нашего существа должна быть укоренена в основание. Пагубным (Verhängnisvoll) было бы только, если бы внезапно через повсеместно распространяющееся пресыщение (Überdruß) новая **мораль (Moral)** была сделана желательной (Wünschbare) и как таковая «хотеться» (gewollt). Пресыщение прежним, голое «сытость-иметь» (Satt-haben), досада (Verdrießlichkeit) вообще никогда не могут быть происхождением (Ursprung). Ср. S. 99 f; (ср. S. 43).

Там и сям иногда возгорится свет; ибо сердце Запада бьется еще навстречу своим ожидающим ударам, которые следуют закону безоружного советования (wehrlosen Ratens), которое оно однажды должно раздать. Этот совет мы готовим и суть только те, кто мы есть, с советующим сердцем (ratschlagenden Herzens).

Эту войну выигрывает только тот, кто может ее проиграть и в потере слышит призыв единого (einzigen) перелома (Wandels) человеческого существа и держит себя готовым к нему.

ГОЛОЙ «ПОБЕДИТЕЛЬ» В СРАЖЕНИЯХ

Голой «победитель» в сражениях впадает в безбудущее (Zukunftlose), ибо он принужден обеспечивать сущностно всегда назад-направленную победу и оставаться прикованным к этому обеспечению. Ср. 61 ff.

Наше собственное существо посреди нововременного европейского еще слишком запутано (verwirrt) и не-собрано (ungesammelt) и потому слишком слабо, чтобы быть подлинно **безоружным (wehrlos)** и тем самым впервые быть.

Через войны ничто не решается, потому что они сами уже покоятся на решении (Entscheidung) и, если вообще на что-то, направляются только на предзаданное им решение.

У ГЕРАКЛИТА (Fragment 53)

Πόλεμος (война, распря) означает не «войну» в смысле «битвы», также не «борьбу», но **решение (Entscheidung)**, т. е. **вы-несение (Aus-einander-setzung)**; **раз-решение (Entscheidung)**: давать проистекать из различения (Scheidung), давать являться в сущностное различие — давать восходить в различие существ. Поэтому **ἔδειξε** (явил), **ἐποίησε** (произвел): он дал явиться, он вывел (к ποιεῖν, фрг. 112).

Решение (Ent-scheidung) как **воз-вращение (Rück-kehr)** в существо.

То же самое суть: **Λόγος, Πῦρ, Ἐρίς, Πόλεμος** (Слово, Огонь, Распря, Война).

Размышление (Besinnung) есть дар **воспоминания (Andenkens)**; дар мы принимаем тогда, когда мы возвращаем его в воспоминание и вкладываем в него.

Всё еще, да всё упорнее, есть только **прокатывание (Abrollen)** событий, которое добивается для себя значимости действительности. Всё еще господствует повсюду мнение, что размышление и мышление теперь излишни, потому что им будто бы отказано во всякой власти и возможности. И всё же — всё исходит из мышления.

ДОЛГОЕ РАБСТВО (LANGER KNECHTSCHAFT)

В долгом рабстве, никогда, однако, «через» него, основать **освобождение (Befreiung)** к западному существу: возвращение в истину Бытия. Ср. 74.

Народ и страна «сами по себе» не существуют без **памяти человека (Gedächtnis des Menschen)**, которой истина Бытия, еще сокрытая, в начале его существенной (Wesensgeschichte) истории была предназначена к началу (zum Beginn zugedacht).

ВИДИМОСТЬ ПРОСТОГО (DER SCHEIN DES EINFACHEN) есть привычное (Geläufige). Только с трудом и медленно понимаем себя к **необычному (Ungewöhnlichen)** того рода, которое приходит из самого простого. Само простое: оно сущностно действует (west) в **Едином единственности (Einen der Einzigkeit)** как подлинно том же (wahrhaft Selben).

Часто теперь мне беседа с мыслителями (тихая, созерцающая, не-пишущая) — как встреча в существе всех вещей. Тогда пробуждается спокойное знание о еще **сбереженном (Gesparten)**, **неисчерпанном (Unerschöpften)**, мимо которого ближайший **волевой миропорядок (willentliche Weltordnung)** должен будет пройти еще раз.

Сколько устойчивости (Inständigkeit) в Бытии собирается теперь, несмотря на всю муку и непонятое людьми, чтобы быть-при (da zu sein) как подлинно спасающее (das wahrhaft Rettende), которое тем спасительнее, чем менее оно себя знает и делает из воли и решения, чем более оно само обозрено и призвано тем, что нас удивляет (überrascht), когда мы едва мыслили — но всё же в этом малом мыслили.

О НЕ-ГИБЕЛИ ЗАПАДА (DAS ABENDLAND KANN NICHT «UNTERGEHEN»)

Не потому, что мы располагаем многими «памятниками культуры», а потому, что в истории Бытия сущностное еще не взошло и не основано, Запад не может «погибнуть». Это не умозаключение (Schlußfolgerung), но **возвратное шествие (Rückgang)** с историей Бытия, которое есть **воз-вращение (Rück-kehr)**. Мы приближаемся в этом столетии к **поворотному пункту поворота (Wendungspunkt der Kehre)**.

Где только действуется (gewirkt wird), там всё пре-действуется (verwirkt). (Всё там впадает в потерю; нет основания пребывающего; это можно только принять как само событие.)

Всё пре-действовать (Alles verwirken) — т. е. само Бытие — и т. е. **память Бытия (Gedächtnis des Seyns)**.

ГРИЛЬПАРЦЕР (GRILLPARZER)

Слово Грильпарцера: **«От гуманности через национальность к бестиальности»** (Von der Humanität über die Nationalität zur Bestialität) характеризует ход истории Нового времени. Остается обдумать область, в которой этот ход истории идет как целое, откуда он определен. Эта область есть — снова называя по-латыни — **субъектность (Subjectität)**: что **animal rationale** (разумное животное), человеческое существо, определенное из **поставления-себя-на-себя (sich auf sich stellenden)** и **пред-ставления-себе-всего (Vor-stellen von Allem) (repraesentatio)** — созидающий, творческий, достигающий, работающий человек власти и успеха. **Ratio** есть **certitudo** (достоверность) в **mathesis** (матесисе). «Animal» становится «организмом» — всей регуляции целого.

Из субъектности как существа бытия в смысле еще сокрытой воли к воле должны быть истолкованы «гуманность», «национальность» и «бестиальность», а также переходы между ними, которые «раньше». Переходы проистекают из движения, которое уже заложено в самой субъектности, поскольку она имеет **самость (Selbstheit) себя-самого-образования (Sich-selbst-bildens)** в «идеал» и навязывает (aufringt) его волению в осуществление, для чего мобилизуются все влечения, смотря по широте и направлению, в которых **animal rationale** приводит себя к власти (Macht) своей своевольности (Eigenwillens). При этом низшие силы **animal** только впервые приходят к беспрепятственному действию; через рациональность **animalitas** только впервые вступает в игру — с целью сделать еще не установленное (festgestellte) животное «человек» «свободным» в его полной животности.

В основе всего действует начинающееся **внутреннее обращение (Verkehrung)** самой метафизики, через которое обращение «чувственность» (Sinnlichkeit) в полном смысле **animalitas** и «биологического» становится истинной действительностью (Wirklichkeit), которой сверхчувственное (Übersinnliche) рациональности остается прислуживаться. Вследствие этой прислуживания (Dienstbarkeit) рациональность повышается до высшей формы **mathesis**

universalis и закрепляется как «техника». Поскольку этот процесс становится планетарно-универсальным, он устраняет всякий род выхода (Ausweg) из своего хода. Он сам в целом — без основания и перспективы, чтобы самому стать выходом для изменения (Wandel) в иное. Здесь — голое полное **о-коне-вание (Verendung)**. Однако это есть **негативная свобода (negative Freiheit)** для изначального, которое приносит **позитивную (positive)** из себя самого.

ВСЁ ПРЕ-ДЕЙСТВОВАНО В СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВОВАНИЕ (ALLES VERWIRKT IN SEIN LETZTES WIRKEN)

Ход истории Нового времени всё пре-действовал (verwirkt) в свое последнее действие, которое состоит в том, чтобы проводить (betreiben) **мировую обеспеченность (Weltsicherheit)** через организацию вооружения (Rüstung) вооруженных сил. Всякое человеческое бытие становится работой по обеспечению этой мировой обеспеченности, чье существо **ухищряется (hinterlübt)** в собственное не-существо и проводит только это: **организованную неуверенность (organisierte Unsicherheit)** как завершенную **бесцельность (Ziellosigkeit)** о-коневающего нововременного человечества. Этот процесс по всем своим элементам рассчитан на количественно долгую длительность, которая проистекает из упорства **себя-хотящего-воления (sich wollenden Wollens)**, т. е. из безнадежной пустоты (Leere), которая не знает ничего иного, но не из **ключа-основания (Quellgrund)**, в котором пребывающее (Bleibendes) возвращается к своему началу. Ср. выше 57 и ниже 67.

МЫ ОБДУМЫВАЕМ ЕЩЕ СЛИШКОМ МАЛО

Мы обдумываем еще слишком мало (и если когда-либо, то только «исторически»), что **метафизика Гегеля** в обращении (Umkehrung) есть **метафизика коммунизма**; что из обращения той же метафизики (Гегель – Шеллинг – Шопенгауэр) дает проистечь метафизике Ницше; что таким образом **бытие как воля** единообразно (einheitlich) в этих фазах метафизики образует (bildet) свою истину и теперь повсюду погоняет (antreibt), про-господствует (durchherrscht) и устраивает (einrichtet) сущее.

Что там с-бывается (ereignet sich)? Как человек бывает затронут (in Anspruch genommen)? Что есть там, в этой **проходе (Passe)** истории Бытия, **«Sein und Zeit»** (Бытие и время)?

ЧЕЛОВЕК, ЗАБЫТЫЙ БЫТИЕМ (DER VOM SEYN VERGESSENE MENSCH)

Поскольку человек забыт Бытием и тем не менее никогда не может быть отрезан (abschnürbar) от Бытия, поскольку к Бытию принадлежит человеческое существо, поэтому **забытый человек** пытался, вместо того чтобы быть преображен (gewandelt) в воспоминание (Andenken), **овладеть** (bemächtigt) бытием как **animal rationale** и попытаться самому быть бытием как **субъект** в субъектности.

Сущностное (Das Wesentliche) из того, что мы можем, образуется без нашего содействия.

Испытание (Prüfung) для нас состоит в том, что мы даже в самой грубой и самой грубейшей угрозе испытываем **неухватываемое (Ungreifbare)**; самая грубая и грубейшая угроза не имеет уже ничего от «стихийного» (Elementaren). Она столь безмерно технически-искусственна (technisch-gekünstelt), что в ней не может быть живой никакая сила подлинного оберегания (Verwahrung).

МАССА (DIE MASSE) понимает **обращенный идеализм (umgekehrten Idealismus)** легче, согласно которому дух и действительность есть только идеология материи и действительного, причем действительное и материя уже в свете идеализма опустошены (entleert) и обеднены (verarmt) как негативное. Так масса и **массовое существо (Massenwesen)** становится подлинным **оплотом (Bollwerk) метафизики**.

Не массовое существо, конечно, как необозримое скопление людей, но **масса (Masse)**, которая ищет **неверие (Unglauben)** как **веру (Glauben)**. Неверие есть оплот метафизики. **Мораль прогресса, благосостояния и мира** (Fortschritt- und Wohlstand- und Friedensmoral) есть ежедневная форма потребления (Gebrauchsform) этого неверия. «Мир» есть бес-

препятственная возможность для хозяйственной и рабочей (arbeitsmäßigen) эксплуатации угнетенных. «Благосостояние» есть видимость безвредности совершающейся эксплуатации. «Прогресс» есть «идеал», который выставляется (vorgehalten) перед теми, у кого отняты все возможности для шагания (Schreiten). «Прогресс», «благосостояние» и «мир» суть «ценности», т. е. условия воли к власти, которые повсюду должны симулировать бескорыстие тех, кто единственно озабочен ценностной полезностью этих «идеалов». «Подражание» и «вражда» как основная установка (Grundhaltung) массы; в какой мере это знаки метафизического.

НАМ НЕ НУЖНЫ НИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ, НИ ФАШИСТСКИЕ «ИДЕАЛЫ»

Нам не нужны ни демократические, ни фашистские «идеалы»; нам вообще не нужны никакие политические идеалы, менее всего — моральная опека (Bevormundung) и политическое воспитание (Erziehung) через других. Нам нужно только то, для чего наше сокрытое существо от **едино-бывшего (einsther)** нуждаемо (gebraucht) и призвано (gerufen), каковое существо определяется из самого Бытия. Всё это никогда не могут знать те, кто глубочайшим образом запутан в метафизику. Их самонадеянная безмерная учительность нас не касается.

Нововременное смятение нашего существа и его запутанность в это смятение мы можем только сами и медленно, потому что в **разбирательстве (Auseinandersetzung)** с самой метафизикой, испытывать и преодолевать.

Пагуба (Verhängnis) войн не может быть объяснена морально-политически; все перспективы обвинения и оправдания бьют мимо цели (tragen zu kurz).

ОПАСНО ДЛЯ НАС САМИХ могла бы стать только **надменность (Überheblichkeit)**, которая могла бы напасть на нас (befallen möchte), как только некоторые подлинным образом узнают, что наше — иное (ein Anderes), которое напоминает (mahnt) нам проходить мимо (vorbeizugehen) политической воли и возни (Gemache) других, поскольку она хотела бы быть значимой и первой, — без презрения и внимания (Beachtung). **Проходить мимо (Vorbeigehen)** может только тот, кто покоится в собственном существе.

Не следует мнить, что мы впервые через несчастье приходим к размышлению. Мыслящие и поэтические уже давно размышляют и также знают, что это время, в которое сбывается истинное, **долго (lang)** и что мышление и поэзия никогда не есть в существе что-то вроде **занятия «идеологиями»** (Sichbeschäftigen mit «Ideologien»).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО С «ДЕМОКРАТИЕЙ» И «ФАШИЗМОМ»

Мы должны также сами знать, что разбирательство с «демократией» и ее противоположной игрой (Gegenspiel), фашизмом, никогда не есть сущностное, потому что, оставаясь в политическом, оно не узнает, что метафизика и ее сущностное господство подлежат решению (Entscheidung steht).

То, что там теснится (andrangt) в политических властных обликах, есть наше собственное нововременное западное существо: **гуманность (Humanität), национальность (Nationalität), бестиальность (Bestialität)** — суть сущностные ступени (Wesensstufen) развертывания (Entfaltung) субъектности (см. выше 61), которая завершается в **брутальности (Brutalität)** воли к воле.

Слово Грильпарцера (приведено у Карла Буркхардта, «Gestalten und Mächte», S. 227) мы можем сегодня дополнить, чтобы узнать внутреннюю последовательность эпох Нового времени еще отчетливее в ее основном черте: **«От гуманности через национальность к бестиальности в брутальность.»**

Характерно также, что здесь говорят исключительно римские имена.

НЕПРИМЕТНОСТЬ (DAS UNSCHEINBARE) изначальной и потому никогда себя-самой-не-использующей (sich niemals selbst benutzenden) превосходства (Überlegenheit) в существе исторического определения **не-народного (nicht völkischen) народа**: не-внимание (Nichtachten) на несоразмерную внешнюю противоборственность дру-

гих. Такое невнимание проистекает из **обдумывающей заботы (Bedachtsamkeit)** о **советующем делении (ratenden Deuten)** Бытия в **прочно-сложенной (festgefügten) саге (Sage) не-сказанного слова (ungesprochenen Wortes)**.

ЧТО УТРАЧЕНО ? (WAS IST VERLOREN?)

Что никакое учение и никакое мышление не возвращает утраченного. Но что утрачено? Что мы можем утратить? Только то, чего мы **не имеем (nicht haben)**. Но чего у нас нет? Того, чему мы сами не принадлежим — потому что мы **им оставлены (von ihm verlassen) — ему не оставлены (nicht gelassen)**.

«ЖИЗНЬ КНИГ» (DAS «LEBEN DER BÜCHER») *«Каждая книга живет столько, сколько живут противники, которых она борет.»*

Это предложение предполагает, что каждая книга написана «против» кого-то и состоит из этой противоборственности и на ней покоится. Так мнить — ошибка. Но даже если бы так было в смысле, что каждая книга нечто преодолевает (überwindet) или говорит более изначальное, мог бы наступить случай, что книга была бы написана «против» такого, что по своему существу принадлежит к не-преходящему, потому что сущностному. Тогда книга сама осталась бы непреходящей — так, однако, что она не была бы обязана своей длительностью даже тому, против чего она написана, но тому, **за что (wofür)**.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СТЕГ В БЕСКОНЕЧНОЕ (DER EINZIGE STEG INS UNENDLICHE)

Единственный стег в бесконечное и в бесконечном есть **прыжок (Sprung)**. **От-прыгивание, парение, на-прыгивание (Absprung – Schweben – Aufsprung).**

Но в чем покоится **событийное существо (das ereignishafte Wesen)** бесконечного?

РАЗМЫШЛЕНИЕ (BESINNUNG)

Даже непритязательное (anspruchslose) мышление впадает в принуждение притязаний (Anspriche), которые оно хотя само не ставит, но которые ему приносятся, поскольку оно есть мышление, от которого требуют «истину». Только немногие способны мыслить, что могла бы прийти эпоха, которой оставалось бы только то, что Бытие (Seyn) впервые находит свою истину, каковую истину человеческое существо **себе событийствует (sich ereignet)** как хранящее (wahrende).

Еще реже те, кто знает, что **вхождение (Einkehr)** Бытия в истину есть **тишайшее событие (stillste Ereignis)**, которое может быть оберегаемо (gehütet) только из неприметности (Unscheinbarkeit) и мыслимо в не-сказанном (Ungesprochenen).

И если бы это, а именно **ждать не-сказанной саги события**, **храня (hütend)** давать ей прийти и **хранить (bewahren)** в **возвращение на родину (Heimkunft)** к невредимой (unversehrten) земле (Erde) под тихим небом питающей страны (Landes), — если бы это было существом нашего народа, тогда этому народу должно было бы быть впервые пробуждено доверие в его существо и показана принадлежность в его существо. До этого еще нужно более изначальное: **дать стать опытно́й (erfahrbar werden lassen)** это существо, не как «идеал» и «идею», но как **основную черту (Grundzug)** в отношении (Bezug) Бытия к человеческому существу.

Мы уже суть то, что мы ищем (Wir sind schon, was wir suchen), — постольку, поскольку здесь «Бытие» означает: **не-опытно (unerfahren) и не-ведомо (ungeleitet)** и всё же принадлежать в существо, **мысляще-поэтически-сказывающе (denkend-dichtend-sagend)** хранить (wahren) истину Бытия. Мы не суть это, постольку, поскольку то Бытие собственно означает: **устойчивость (Inständigkeit)** в принадлежности к такому существу. Немногие впервые суть **устойчиво умирающие (die inständig Sterbenden)**.

ЧУЖОЕ СУЩЕСТВО (FREMDES WESEN)

Чужое существо еще окружает (umstellt) и обезображивает (verunstaltet) наше, еще утаенное (vorenthaltenes) от нас, собственное существо. Откуда происходит **поддаваемость**

(Verführbarkeit) немцев чужому существу, откуда неспособность (Unvermögen) к политике (к обхождению (Umgang) народов друг с другом, только ради этого обхождения и ради полезной цели), откуда самонадеянность (Anmaßung) и откуда основательность (Gründlichkeit), с которой проводится также и ошибочное и безмерное, откуда бес-форменность (Formlosigkeit) и всё не-существо (Unwesen), которое ее сопровождает? Происходит ли всё это только из недостатка или происходит всё из еще не испытанного (erfahrenen) и еще не истолкованного (gedeuteten) и потому также никогда еще не присвоенного (angeeigneten), еще не свободно струящегося и всё же в себе пребывающего избытка (Überfluß) сокрытой сущностной определенности (Wesensbestimmung)?

КАК ЭТО СЛУЧАЕТСЯ С ЧУЖДЫМ ХОДОМ ИСТОРИИ (WIE KOMMT ES ZU DEM BEFREMDLICHEN GESCHICHTSGANG)

Что эпохи и поколения всё поспешнее ищут только цели в округе (Umkreis) поверхностных (vordergründigen) событий и притязаний мира? Отчего это, что мысленное (Gedachte) и поэтическое нашей собственной истории остается неиспытанным и погруженным в забытье (Vergessenheit), которое мы едва можем подозревать, потому что мы не способны мыслить во **воспоминании (Andenken)**? Что мы знаем об истории нашего существа (которое вообще принадлежит в судьбу (Geschick) Бытия)? Что, собственно, означает **исторически мыслить (geschichtlich Denken)**? Что вообще значит **мышление (Denken)**? Не есть ли собственное мышление — **историческое (das Geschichtliche)**? Мышление? Что значит «историческое»?

«Историческое» есть то, что принадлежит истории, что определяет ее существо и проистекает из него. Что значит «история»? Что здесь означает, т. е. сообразно существу истории, «принадлежать» (gehören)?

История (Geschichte) есть сбывание (Geschicht), т. е. судьба (Geschick), а это есть **сущностное целое посылания (das wesende Ganze des Schickens)**, подобно тому как **горный хребет (Gebirg)** есть сущностное целое грения (Bergeseins) и как **чувство (Gemüt)** есть сущностное целое мужества в смысле **müots (θυμός – страсть – обдумывающий смысл (der sinnende Sinn): le cœur)**. **«Schicken»** же (посылать, отправлять) должно быть мыслимо изначально как **посылание пришествия (das Schicken des Kommens)**, которое при-надлежит (eignet) событию. **«Schicken»** есть **пред-посылание (voraussenden) — в-посылание (hinsenden)** (человека в его существо).

«Schicken» как **дарение (schenkend)** чего-то — **при-ходить-позволять (Zu-Kommen lassen)** есть **от-дача (Her-geben)**, так, однако, что посылающее (Schickende) удерживается в себе и сберегается (sich spart) и не хочет быть названным.

«Schicken» как **при-ходить-позволять (kommenlassende Zu-kommen-lassen)**. **«Geschick»** (судьба): сущностное (Wesende) в посылании и целое посылающего, посылания и посланного.

«История» (Geschichte) мыслится, таким образом, **событийно (ereignishaft)**, а не каузально как причинная связь (Wirkungszusammenhang) «события» (Geschehens), также не как связный ход (Ablauf) событий (Begebenheiten).

ПРИЛИЧНОЕ (DAS SCHICKLICHE) И СУДЬБОВОЕ (DAS GESCHICKLICHE)

Приличное (Schickliche) есть то, что отвечает (antwortet) посыланию (Schicken) судьбы (Geschickes) и так соответствует (entspricht) ему и приспосабливается (sich fügt) к **складу (Fug)** события.

Судьбовое (Geschickliche) есть целое посылания (Schickung) и **сущностного ответа (wesenden Antwort)** — ответ есть **слышание-принадлежание (Gehören)** (осторожная приспособленность (achtsame Geeignetsein) к событию) — к судьбе. Судьбовое есть существо исторического.

Ответ (Antworten), однако, есть **воспоминание (Andenken) — памятование (Gedenken)** пришествия (Kommens) и пребывшести (Gewesens) — памятование есть в себе

слышание-принадлежание (Gehören) в событие. Памятование есть **«исторически» быть (geschichtlich seyn)** и потому памятование есть в себе историческое (geschichtlich).

Мышление (Denken) есть воспоминание (Andenken) уже в смысле нашего раннего, богатого языка. Для мышления она чаще говорит **«памятование (Gedenken)»**. Памятование относится одновременно к пребывшему (Gewesen) и к пришествию (Kommen).

Ср. **Hermann Paul, Deutsches Wörterbuch** под «Gedenken». Здесь упомянуто, что **Готтшед (Gottsched)** говорит о **Декарте (Cartesius)**: *«он заключил так: я памятую (ich gedenke), следовательно, я существую (bin vorhanden)»*. [Cogitare переведено как «Gedenken». Пауль пишет: «gedenken могло первоначально употребляться в том же объеме, что и простое denken, так что gedenken было более употребительным»].

О РЕКТОРАТЕ 1933 ГОДА (СМ. ВТОРИЧНОЕ УКАЗАНИЕ В ТЕКСТЕ, НА СТР. 98 ОРИГИНАЛА — ПОЗЖЕ)

(Здесь, в основном корпусе «Anmerkungen I», прямая рубрикация отсутствует, но ниже, в позднейших частях тома, следует подробный разбор **«Rektorat 1933»** (стр. 98 оригинала, в пересказе будет дан ниже). На данном этапе сохраняется структура, как она идет.)

ПРИЛОЖЕНИЯ, НАХЛЕЗЕ, NOTIZEN, TEXT-SAMMLUNG, AUSZÜGE

В томе **GA 97** содержатся также приложения (Nachlese), заметки (Notizen), собрания текстов (Text-Sammlung) и выдержки (Auszüge), которые идут после основного корпуса. Пересказываются они наравне с основными разделами. Ниже дается их сводное изложение по внутренней логике (без номеров страниц).

ПРИЛОЖЕНИЕ: «NACHLESE» (ПОДБОРКА ПОЗДНИХ ЗАМЕТОК)

ИЗНАЧАЛЬНАЯ БЛИЗОСТЬ К НАЧАЛУ

Только **в конце** снова является изначальное. Эпохи конца находятся ближе всего к началу. Но в них также **двусмысленность (Zweideutigkeit)** столь совершенна и мучительна, как никогда. Здесь спасает не выход (Ausweg), а только сам путь — найти путь из окольных путей (Abwege) назад.

О ТОМ, ЧТО НАИБОЛЕЕ ЦЕННО (WERTVOLLSTE)

Самое бесполезное — это, пожалуй, **«ценности» (Werte)**. Никто не «живет» и не «умирает» за «ценности».

БЫТИЕ (SEYN) И «СМЕРТЬ» (TOD)

Сущностно «есть» имеет свою постоянность в **изначальности начатия (Anfängnis)** пришествия. Оно может быть «снова и снова» пришествием и будущим. Эта способность пришествия проистекает из изначальной **пребывшести (Gewesenheit)**. Сначала Бытие должно возвратиться в пребывшесть — пребывающее (Gewesende) как происхождение грядущего.

Первая попытка понять это существо Бытия есть «Бытие и время» (Sein und Zeit). Это понимание невозможно без знания **Da-sein** и того, как оно всё преобразует в существе.

Мочь-быть (Seinkönnen) — «смерть» (Tod).

О ПРАЗДНИКАХ (FESTE) И ИСКУССТВЕ

Раньше искусство как поэзия основывало праздник. Теперь нуждаются в «праздниках», т. е. голой шумихе (Rummel), чтобы «чествовать» искусство, которое уже ничто. «Праздник искусства» — идея, порожденная **чисто «техническим рассудком»**.

ВИДИМОСТЬ (DER SCHEIN), будто прошедшее не имеет нам ничего сказать, проистекает из **заблуждения (Verirrung)** в неспособность слышать пребывшее (Gewesene).

ВЫДЕРЖКИ ИЗ РАЗНЫХ ГОДОВ.

ПСИХОЛОГИЯ (PSYCHOLOGIE) как конечная форма метафизики, неизбежно толкающей в антропологию, есть завершенная организация **технической инквизиции (technischen Inquisition)** по отношению к человеку и миру. Но она одновременно есть знак завершенного **само-искалечения (Selbstverkrüppelung)** человека.

Бессмысленность мира (Sinnlosigkeit der Welt) и без-мысленность человека (Besinnungslosigkeit des Menschen) находятся в необходимом соответствии внутри бытия как **воли к воле (Willens zum Willen)**.

СТРАХ ПЕРЕД АБСТРАКТНЫМ (ANGST VOR DEM «ABSTRAKTEN») есть бес-помощность (Ratlosigkeit) перед неизбежным бытием, которую нельзя заглушить никакой **деятельностью (Betriebsamkeit)** внутри сущего. Этот страх есть несомненный признак всех **«героиков» (Heroiker)**, которые занимаются «героизмом» как бизнесом.

«ШТИФТЕР» (STIFTER) — современный человек не может его понять, потому что он его либо ценит как бегство в прошлый мир, либо отвергает как недействительное и слабое улетучивание жизни и любовь к устаревшим вещам.

ТАЙНЕ БЫТИЯ СООТВЕТСТВУЕТ, что одновременно с **против-складом (Widerfug)** опустошения случается **склад (Fug)** начала и что оба проходят мимо друг друга, не зная друг друга.

Ветряное колесико (Das Windrädchen).

ВЫДЕРЖКИ: О ВОЛЕ, СВОБОДЕ, БЛАГОДАРЕНИИ.

ОБ ОПАСНОСТИ ВЫБРОСА (AUSSCHLAGES) В ГОЛОЕ ОТВРАЩЕНИЕ (WIDERWILLEN) К ВОЛЕ

Время завершенной бес-помощности (Ratlosigkeit).

ЧУВСТВО (GEMÜT) И ПАМЯТЬ (GEDÄCHTNIS)

Колыбель (Wiege): только колыбленный в колыбели человек может **взвешивать (wägen)**; только кто способен взвешивать, может **дерзать (wagen)**. Всё: путь, поворот, колыхание, взвешивание и дерзание приходит как то же самое из **колыбели милости (Wiege der Huld)**.

Единственное обиталище (Behausung) для нашего существа есть **язык (Sprache)**, его слово как **колыбель сказания (Wiege der Sage)**.

ОТКАЗ (ABSAGE) ОТ ВНИМАНИЯ принадлежности в Бытие есть **самая жестокая опустошение (Verwüstung)** нашего собственного исторического существа.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ» (HEIMKUNFT) есть будущее нашего исторического существа. Здесь не определяют «цели». Теперь настраивает только начало.

Обзор «Anmerkungen II».

1. Жанр и статус заметок: мышление в пути

«Anmerkungen II» не является систематическим трактатом. Это афористические заметки, фрагменты, письма, саморефлексии, которые Хайдеггер собирал в период после Второй мировой войны (преимущественно 1945–1946 годы и позже). Сам он характеризует свои попытки как «несуразные глыбы» (ungefüge Blöke), а свои пути — как «лесные пути» (Holzwege). Главная добродетель мышления, по его словам, есть **терпение (Geduld)**, умение **вынашивать (austragen)** и **ожидать (warten)**. Мышление никогда не приходит к конечным результатам, оно остаётся в пути, в странствии. Этот жанр соответствует центральному тезису Хайдеггера: мышление есть **вспоминание-бытия (Andenken)**.

2. Центральное различение: Seyn и Sein

Хайдеггер последовательно использует архаичное написание **Seyn** (с «у») для обозначения Бытия в его до-метафизическом измерении. Это не орфографический каприз, но указание на то, что метафизическое **Sein** (бытие сущего как присутствие, Anwesenheit, οὐσία) не схватывает того, что здесь подлежит мышлению. **Seyn** нельзя **схватить (fassen)**, его можно только **оставить (lassen)**. Оставление (Lassen) есть основная операция мышления: не господство над Бытием, а отпускание его в его собственную истину.

Различие между сущим (Seiendes) и бытием (Sein) — это онтологическая дифференция, известная ещё из «Бытия и времени». Однако Хайдеггер утверждает, что эта дифференция осталась непродуманной в метафизике. Подлинное различие (Unterschied) — это не дифференция между сущим и бытием, но **различие как событие**, в котором Бытие (Seyn) и человек впервые приходят в своё отношение (Bezug). Это различие есть «местность (Ortschaft) последнего бога».

. Ereignis и Ent-eignis: событие и раз-своение

Центральным понятием позднего Хайдеггера является **Ereignis** (событие, со-бытие). Оно не означает никакого происшествия в обычном смысле. Ereignis есть способ, которым Бытие и человеческое существо **принадлежат друг другу**. Человек при этом понимается не как субъект, но как «используемый» (Gebrauchte) Бытия, как «собственник раз-своения» (Eigentümer der Enteignis).

Одновременно вводится понятие **Ent-eignis** (раз-своение, отчуждение-присвоение). Это не потеря или негативность, но необходимое условие самого Ereignis. Великое раз-своение (große Enteignung) есть переход от метафизики к мышлению Бытия. Через Ent-eignis человек «вы-краивается» (entrandet) из субъективности и вступает в «по-хищение» (Entwendung) к утаю (Hehl) Бытия.

4. Hehl, Wahrnis, Verweigerung: утай, хранение-истины, отказ

Хайдеггер разрабатывает терминологию **сокрытия** как положительного, а не отрицательного измерения истины. **Hehl** (утай) — это не недостаток или дефицит, но условие, при котором Бытие сохраняет себя как тайну. Истина (ἀλήθεια) есть не просто не-сокрытость, но

одновременно и сокрытие (λήθη). **Wahrnis** (хранение-истины) — это активное сохранение этой тайны.

Verweigerung (отказ) — это способ, которым Бытие удерживает себя в эпоху забытости Бытия (Seynsvergessenheit). Боль (Schmerz) мышления состоит в том, чтобы вынашивать этот отказ, не впадая в нигилистическую реакцию. Страдание (Leid) принадлежит самой истине Бытия. Хайдеггер говорит: «Вынашивание отказа как утая просветления события свободы».

5. Забытость Бытия (Seynsvergessenheit) как судьба Запада

Вся история метафизики, от Платона до Ницше, есть история забытости Бытия. Однако эта забытость не есть просто ошибка или упущение. Она есть **судьба (Geschick)**. Метафизика неизбежно должна была забыть Бытие, потому что она мыслила сущее в его бытии, но не само Бытие как событие. Хайдеггер говорит о «двусоставности Бытия» (Seyn zwiegestalt): как забытость Бытия и как приход близости его истины.

Нигилизм, который Ницше диагностировал как «Бог мёртв», есть не конец, но завершение метафизики. Подлинный нигилизм, по Хайдеггеру, ещё только придёт к своему вынашиванию. Он не есть нечто негативное, но сама судьба завершённой метафизики.

6. Философия vs. мышление: конец философии

Хайдеггер неоднократно заявляет: философия как метафизика пришла к концу. «Конец философии есть начало в мышление». Философия всегда была онтологией, т.е. мышлением сущего как такового. Она никогда не мыслила само Бытие (Seyn) как событие. Поэтому мышление должно **покинуть философию** (die Philosophie verlassen). Это не означает отказа от философской традиции, но более изначальное её преодоление (Verwindung).

Мышление, о котором говорит Хайдеггер, не является ни наукой, ни мировоззрением, ни искусством. Оно есть «поэтическое творение (Dichten) у поэмы (Gedicht) события». Оно не даёт «картины мира» и не предлагает «ценностей». Оно есть тишайший процесс во всей истории.

7. Критика публичности, журнализма и «общественного мнения»

Одна из самых острых тем тома — критика **публичности (Öffentlichkeit)**. Хайдеггер утверждает, что современная публичность, особенно в форме журнализма, есть диктатура, которая уничтожает мышление. Журнализм — это «техническая организация необходимых для публичности иллюзий». Он не сообщает знание, но производит болтовню (Gerede) и безмыслие (Gedankenlosigkeit).

«Берумость» (Berühmtheit) описывается как состояние, когда человек «туда-сюда таскается в болтовне непостижимой воли публичности». Публичность разрушает, «воздвигая видимость, будто в ней и через неё строится мир». Атомная бомба уничтожает материально, но журнализм уничтожает само существо мышления, создавая «видимость бытия на кажущемся основании безусловной беспочвенности».

8. Молчание (Schweigen) как высшая форма ска́за (Sage)

В противоположность публичной болтовне Хайдеггер ставит **молчание**. Молчание не есть отсутствие речи. Оно есть «из строгости полноты ска́зания» (aus der Strenge einer Fülle des Sagens). Молчание тяжелее, чем говорение и печатание, потому что оно требует вынашивать

то, что нужно сказать, и говорить только в пространстве, которое может быть подготовлено только через ска́з.

Хайдеггер признаётся, что молчал двадцать лет (за исключением мелких публикаций). Это молчание было необходимым условием для того, чтобы мышление могло прийти к своему делу. «Шум торговцев — пусть говорят — мысли, (мысляще) скажи, но не резонёрствуй».

9. Язык, ска́з (Sage) и письмо

Язык не есть инструмент коммуникации. Он есть «дом бытия». **Ска́з (Sage)** — это не высказывание, но событие, в котором Бытие приходит к языку. Хайдеггер отличает ска́зание от простого говорения. «Никогда сказанное (Gesprochene) ни в каком языке не есть то, что было сказано (Gesagte)».

Письмо (Schreiben) не должно служить публикации. Оно служит сохранению со-мыслимого (Zu-Denkende). «Зачем писать? Чтобы публиковать? Нет. Чтобы сообщить продуманное? Нет. Чтобы сохранить со-мыслимое». Публикация часто означает предание диктатуре публичности.

10. Время, история и судьба (Geschick)

Хайдеггер различает **историографию (Historie)** как объективное исследование прошлого и **судьбу (Geschick)** как событийное измерение истории. Историография (и особенно историзм) есть «противница судьбоносного истории». Подлинная история не есть каузальная последовательность событий; она есть «вынашивание судьбоносного в его собственное прошедшествовавшее (Gewesen)».

Он говорит о трёх датах: 1807 («Феноменология духа» Гегеля), 1867 («Капитал» Маркса), 1927 («Бытие и время»). Это не просто даты публикаций, но вехи завершения метафизики. «1807: Феноменология духа. 1867: Капитал. 1927: Бытие и время».

11. Заблуждение 1933 года: самооценка и различение

Хайдеггер открыто говорит о своём «заблуждении 1933 года», когда он попытался связать своё мышление с национал-социализмом. Он подчёркивает, что заблуждение состояло не в попытке как таковой, но в нераспознании неподготовленности сил, неисторической пригодности и несвободы функционеров. «Заблуждение состояло в том, что функционеры не были распознаны как функционеры».

Он проводит различие между национал-социализмом как историческим явлением и социализмом как «нововременной антропологией внутри техники». Критика национал-социализма не освобождает от необходимости мыслить социализм в его сущности. «Болтовня о секуляризации» и моральное возмущение, по его мнению, не достигают сути.

12. Греки, Запад (Abendland) и Европа

Хайдеггер различает **Запад (Abendland)** и **Европу**. Европа есть нововременная форма забытости, в которой Запад удерживается. Христианство (как паулинистско-гностическо-римско-эллинистическая организация) есть предформа Европы, но оно отрицает гречество (Griechentum), истолковывая его как язычество.

Греки были «первым и единственным народом, который имел право учиться через мыслителей, а не только от мыслителей». Греческое мышление (Анаксимандр, Парменид, Герак-

лит) стояло ближе к Бытию, чем вся последующая метафизика. Запад (Abendland) ещё не взошёл; он находится в сумерках, в мировой ночи.

13. Техника и воля к воле

Хайдеггер вписывает свою критику техники в более широкий контекст **воли к воле (Wille zum Willen)**. Техника не есть просто совокупность машин и инструментов. Она есть способ раскрытия истины (постав, Ge-stell), при котором сущее предстаёт как «стоящий-запас» (Bestand). Воля к воле есть завершение метафизики, в котором воля хочет только себя самое.

«Теперь воля к власти как Бытие всего сущего идёт свой последний ход в переход к воле к воле. Тем самым о-пустение достигает своего собственного существа и становится неузнаваемым, но неизбежным отблеском события раз-своения».

14. Атомная бомба и «машинерия убийства»

В одном из самых острых пассажей тома Хайдеггер сравнивает атомную бомбу и «машинерию убийства», направленную против немцев. Он утверждает, что атомная бомба уничтожает, «только стирая», но журнализм и машинерия убийства (намёк на послевоенную денацификацию и судебные процессы) уничтожают, «воздвигая видимость бытия на кажущемся основании безусловной беспочвенности».

Он предупреждает, что эта машинерия однажды обратится на своих собственных функционеров. Эти замечания, как он сам говорит, «уже по своему существу больше не сказаны для публичности для читателей, но принадлежат самой судьбе Бытия и её тишине».

15. Вера и мышление: разрыв (Kluft)

Хайдеггер проводит строгое различие между верой (Glaube) и мышлением. «Мышление есть для веры глупость, и невозможное есть вера для мышления». Он называет себя «не христианином» и объясняет это не отсутствием благодати (Gnade), но тем, что его путь притязает на мышление. «Мышление само есть разрыв к вере».

Христианство как церковная организация и христианская философия (например, католическая философия) подвергаются резкой критике. «Католическая философия» уподобляется «национал-социалистической науке»: и то и другое есть «четырёхугольный круг, деревянное железо». Христианская вера как вера во Христа не нуждается в защите философии, но теологи, которые смешивают христианство и христианность, являются «собственно неверующими».

16. Память (Gedächtnis) и вспоминание-бытия (Andenken)

Память в метафизическом смысле есть способность воспроизводить прошлое. **Вспоминание-бытия (Andenken)** есть нечто иное: это мышление, которое сохраняет верность тому, что было (dem Gewesenen), не как прошлому, но как тому, что ещё грядёт. «Былое (Einstiges) сберегать (versparen) в приход, не прошедшее (Vergangenes) в преходящую современность спасать».

Человек определяется как «память в событии из родства в различие». Это не психологическая память, но экзистенциальная укоренённость в различии между сущим и Бытием.

17. Отпущенность (Gelassenheit) и ожидание (Warten)

Отпущенность (Gelassenheit) — это способность не властвовать, не навязывать себя, но позволять вещам быть в их собственной истине. Она противоположна воле к власти. Отпущенность есть «забота о чистом приходе дела события». Она не есть пассивность, но высшая форма активности: «чистое умение-ожидать (reinen Wartenkönnens) в высочайшем тишайшем действии мышления».

Ожидание (Warten) не есть ожидание чего-то определённого. Оно есть открытость событию (Ereignis), которое нельзя ни принудить, ни предсказать. «Мы никогда не можем принудить Бытие, но можем вы-жидать (er-warten): в вынашивании сохранения его истины подготовить приход».

18. «Одинокий и медленный» путь мышления

Том завершается (в содержательном смысле) образом пути, который требует одиночества и медленности. «Одиноко и медленно» — это формула преодоления техники и метафизики. Мышление не может быть массовым производством. Оно есть рукоделие, ремесло (Handwerk), которое нуждается в мастерской (Werkstatt), а не в публичности.

«Крайнейшее одиночество мышления безусловно. Оно остаётся поэтому непримиримым с моральными суждениями». Хайдеггер отказывается от моральных категорий «добра» и «зла» в мышлении. «Всякое поведение по ту сторону добра и зла, которое, себя не зная, начинает эгоистически и самодовольно выносить приговоры, падает в ординарное и мелкое».

19. Поэтическое завершение: образы природы

В самом конце тома (в оригинале — последние строки) даётся поэтический фрагмент:

«В этом году в предлетье теперь есть прекрасное, в котором взмысливание в Россию ожидает: Цветущие нарциссы на лугах — Горная роза без шипов под клёном.»

Этот образ не случаен. Он указывает на «местность» мышления, которая не есть абстрактное понятие, но конкретное, телесное присутствие природы. Горная роза без шипов — символ свободы от защиты, от агрессии, от воли к господству. Нарциссы — образ самосозерцания, но здесь они вписаны в луг, а не в изолированное самость. «Взмысливание в Россию» — намёк на восточное измерение, на иное, неевропейское отношение к Бытию.

Единство тома.

«Anmerkungen II» не является сборником разрозненных заметок. Его единство задаётся несколькими сквозными темами: **различие (Unterschied)** как событие, **отказ (Verweigerung)** как судьба, **молчание (Schweigen)** как ска́з, **ожидание (Warten)** как отпущенность. Том представляет собой лабораторию мышления, где Хайдеггер пытается говорить после «конца философии» и после крушения своих политических иллюзий 1933 года. Это не утешение и не пророчество. Это «топология Бытия» — попытка наметить карту местности, где человек может снова начать мыслить, не впадая ни в метафизику, ни в нигилизм, ни в публичную болтовню.

Примечания II.

Эпиграф.

»Und wenn viel denken allein, viel leben ist: …« Lessing

1946 Verwandte, gedenket des Seyns. Vgl. S. 19. (1946 год. Родственные души, помните о Бытии [Seyn]. Сравнение с указанным местом.)

Начальные афоризмы

Утверждается: мышление на ближайшие три столетия обжилось на другой звезде. Но мышление есть вспоминание-бытия [Andenken].

Только когда ты полностью разрешённо войдёшь в слушание чистого различения, ты более не нуждаешься в отказе, ты есть просто избегание.

[О поэтическом обитании и родстве]

Если сегодня ещё не время — потому что мышление снова начинает становиться более простым и отпускающим из тайны истока человека в Бытие [Seyn], — то однажды ты сможешь впервые испытать цветение дней. Неприметно и в долготерпеливом учении образуется родство тех, кто ищет поэтически обитать [dichterisch zu wohnen], доверять постоянству равнодушия [Gleichmut], которое покоится в сокровеннейшей основе осваивания-собой [Vereignung]. Желательно ежедневно, помогающе-примысливая, упражняться в приведении повседневного в созвучие с тем равнодушием.

Едва знающие друг друга, просто ищущие обитания родственные души, которые в тиши стоят под кротким законом, находят друг друга, перекликаются и сеют радость на этой земле для долго выдерживающего прорастания в сдержанном биении священного сердца народов.

Как неуклюжи мы ещё, чтобы истинно испытать былой [Einstige] мир Штифтера и преобразовать нынешнюю беспорядочную повседневность в нечто более устойчивое, — не впадая при этом в поспешную и беспочвенную романтику.

Всё должно идти так медленно и обдуманно, так тихо и неприметно в ходе мышления, как отец-звонарь [Mesmervater], когда он осенним вечером с фонарём поднимался на башню, чтобы звонить.

Кроткий закон — дать обитать в часовом ходе ночи и дня — есть самое тяжёлое привыкание, но также и самое прекрасное.

[О молчании и публикациях]

Теперь, после того как я, за исключением публикации нескольких мелких вещей, которые скорее скрывали, чем высказывали, двадцать лет молчал, не должна внезапно из случайных соображений возникнуть поспешность и начаться беспорядочная публикация.

Берумость [Berühmtheit]. — Быть под надзором притязаний публичности и упрощённым, т.е. здесь опошленным [versimpelt] её навязчивым мнением, будто каждый должен быть причастен к каждому.

[О вынашивании и начале]

Вынашивание [Austragen] есть всё.

Вынашивание начала [An-beginn] в боль.

Ужасающе чуждым должно быть Бытие [Seyn] в чрезмерно близкой близости своей свободной тишины в утае [Hehl] целостного [Heilen] свирепой боли — так, чтобы никакое страдание [Leid] в судьбе Бытия и никакое страдание [Leiden] в памяти человека не могло бы изменить даже малейшего.

[О предчувствии мировых эпох]

Предчувствуем ли мы когда-нибудь мировые эпохи поворота [Kehre] к истине Бытия — то есть истока в просветление [Verheiterung] Бытия к свободе целостного [Freyheit des Hehls], — эпохи, которые мы, обитающие, можем подготавливать? Предчувствуем ли мы милость дара, который также и снова, как некогда в первом свечении былого, «ко времени», то есть к сроку [Weile] ἀλήθεια, есть страдание [Leiden] тех, у кого, возможно, на один глаз слишком много?

Даже блуждающее чутьё [irrende Sinnen] видит многое и способно к опыту [Erfahren].

Возможно, нас всё же ожидает посреди жалкой самодовольной дьявольщины эксплуататорского уничтожения скрытая милость истинной, сущностной гибели — к единственно былому.

Выживание [Erwohnen] недостатка [Fehl] молчаливых пастухов свободы целостного [Freyheit des Hehls].

[О пребывающем в мышлении]

Придёт время, когда пребывающее [Bleibende] мышления станет более пребывающим в своей неизбежной безрезультатности — прошедшее [Gewesen], чисто неприкосновенное, никогда не устранимое и никогда не преодолимое. Высшая способность свободы и её освобождения [Freyens] есть выздоровление [Genesen] в прошедшее. Чистое прошедшее есть беззащитное [Wehr-lose], не нуждающееся ни в каком оружии: чистый приход [Ankunft] в покое [Beruhen] в просветлении [Verheiterung] судьбы в сокровенность [Innigkeit] разрыва [Risses].

Дерзостное выздоровление [Kühnes Genesen] к былому недостатку [einstigen Fehl]; освобождающее [freyend'] прошедшее, утай [Hehl] прихода [Ankunft].

[О строгости мышления]

Чтобы Бытие просто сошлось в свет своего утая [Helle seines Hehls], для этого существует мышление и строжайшая строгость мышления.

Чисто со-бытийно [Rein ereignet], отпущенно [gelassen] поэтически творить [dichten] тишину невредимого Бытия: свобода события [Freyheit des Ereignisses] — Бытие-оставлять [Seyn-lassen]: Бытие — мышление — Бытие-оставлять: Бытие — мышление: тишайшая благодарность [stillste Dank] — ещё тише, чем пение. Бытие-оставлять: Бытие. | E | неприметная жертва. Утишена [Gestillt] из тишины в мышление «Бытия». | Σ |.

[О мыслителях и несказанном]

Чем ближе мышление в собеседовании [Zwiesprache] с мыслителями подходит к тому, что они мыслят, как им со-мыслимое [Zu-gedachte], несказанное, тем отчётливее мы испытываем, что сказанное мыслителями повсюду едва ли ещё продумано и может быть продумано; так что возникает предчувствие, что мышление мыслителей, возможно, находится в судьбе постоянно оставаться скрытым — как сущностно неизвестная и непознаваемая жертва мышления в Бытии. Поэтому этот опыт и предчувствие не могут быть со-мыслены [mitgedacht]. Поэтому он остаётся — и тем более — скрытым и утраченным: ничто в Бытии — утишено из его единственной тишины. Эта жертва касается не личности мыслителя, но самого мышления как со-бытийствующего [ereignet] в самом Бытии, как самой судьбы Бытия, как памяти разрыва [Gedächtnis des Risses]. Судьба мыслителя есть лишь необозримое следствие.

Сегодня «философствуют», вероятно, ещё там и сям; но повсюду ещё нет ни одного мышления, потому что отношение [Bezug] со-мыслимого [Zu-Denkenden], само Бытие, ещё не событийствует [sich ereignet].

[О тонущем корабле мышления]

Тонущий корабль на море Бытия есть мышление. Только когда крысы покидают корабль, наступает правильное время корабля: когда он тонет, он принадлежит стихии — самому Бытию. Тогда остаётся только тот, единственный, кому корабль был вверен, — и тонет вместе с ним.

Либо ты мыслитель, либо ты им не являешься.

Великолепие простого [Pracht des Schlichten].

[О конце метафизики]

Мыслить гибель метафизики без всякой «иллюзии», и притом не как нечто «негативное», — но чисто как судьбу самого Бытия: это есть история впервые грядущего Запада [Abendlandes], под которым разумеется не «Европа» и тем более не «Запад», не противопонятие «Востоку», но мирно-, то есть судьбо-бытийно [seynsgeschicklich] земля в гибели к истине Бытия (событие [Ereignis]) будет испытана. Всё нововременное — также и Востока — принадлежит в метафизику; никакое обновление прошедшего, никакой радикализм в уже-существующем и напирающем не способен здесь подготовить проход-мимо [Vorbeigang] или даже уклониться от него. Поэтому для судьбо-бытийного мышления нигде нет опоры; оно мыслит будущее [zu-künftig] — мимо настоящего [Gegenwärtige] прочь.

Опытность [Erfahrnis]: страдание [Leid] отказа [Verweigerung] самой истины Бытия; забытость Бытия [Seynsvergessenheit]. Это страдание и разрыв [Riß]. Вынашивание [Austrag] отсутствия [Ausbleibens] Бытия. Бытие в своём отказе — как таковое оно есть со-мыслимое для ещё сокрытого — как мышление и поэтически творящая благодарность [dichtenden Dank] — память [Gedächtnis], принадлежащее Бытию существо человека. Как со-мыслимое со-бытийствует мышление. | Боль [Schmerz] |

Вынашивание отказа как утай [Hehl] просветления [Verheytierung] события свободы — вынашивание и ожидание [Warten] — ожидание и событие [Ereignis].

Опытность — как пред-чувствующее пред-оставление [Vor-ahndende Vor-lassen], которое в со-бытийном страдании [ereigneten Leid] со-бытийствует: что — чистое что — что само Бытие есть Бытие, единственно-былое [Einzig-Einstig] — Σ.

[О оставлении и собственно-бытии]

Ибо то оставление [Lassen] есть, Бытие оставляет: Бытие — мышление. Со-мыслимое не есть «долженствование» [Sollen] — но осваивающе- [vereignend-] | свободя- [frey-] в слышание-принадлежанию [Gehören lassen] из раз-своения [Ent-eignis].

[О путях мышления]

Всё, что я мысляще пытался в пути, суть несуразные глыбы [ungefüge Blöke]; все пути только лесные пути [Holzwege] — остаюсь в пути. Принадлежу странствию и остаюсь на странствии. Ищу прощание [Abschied] в самом странствии — отпускающее сказывание [Lassende Sagen]. Призыв-вслед [Nach-ruf] есть всё — Призыв-вслед былому [Einstigen] — в прошедшее: его приход. Только с неприметного тихого места может мышление стать поводом [Anlaß] для движения «рычага», который выворачивает доселешний мир и мировую историю из их петель и вправляет [verfügt] в соединение [Fug].

[О ночи и звёздах]

Мы живём в ночи и не видим звёзд, потому что непривычно великолепие из близости близкой дали.

Очуждение [Verfremdung] в обычное [Gewöhnliche].

[О мышлении как мировой опасности]

* Впервые истинно научиться знать и вынашивать это: что мышление в смысле изначального свершения того, что пыталась «философия», есть мировая опасность и как эта смутно предчувствуемая опасность повсюду изгоняется и запрещается [gebannt und verbannt].

Скрытая злокачественность [Bosartigkeit] выпущена в мир, чья брутальность коренится в воле, которую никакие человеческие силы не могут вызвать, потому что они сами давно уже поражены ею — и таким образом стали её делом.

[О решении судьбо-бытийного мышления]

Всё снова и каждый раз более изначально вынашиваемое решение [Entscheidung] судьбо-бытийного мышления: мыслит ли это мышление для Бытия, единственно ему принадлежа как жертва, чтобы Оно было, — или мыслит ли такое мышление для людей, то есть для неразумия

безмыслия [Gedankenlosigkeit], в котором они хотят пребывать и в которое они низводят мышление, полагая, что только это приспособленное к их рассудку мышление имеет пользу, — не предчувствуя, что уже само рассчитывание на пользу от основания [von Grund aus] отказывает мышлению и вместе с ним Бытию? Мыслишь ли ты Бытие как Бытие — или ты уступаешь видимости [Schein] якобы единственно значимого, потому что употребимого, мышления?

Из письма иностранным друзьям (май 1946)

«Но у меня чувство, что я должен ждать до осени, тем более что я начинаю снова собираться для собственной работы. К тому времени я, возможно, снова стал бы более пригодным. От преподавательской деятельности я внутренне полностью освободился; привести то «Другое» ещё по его собственному закону в надёжную форму — это самое необходимое для будущего. Для этого нужно много одиночества и простой физической силы, и выносливости. Эту работу никто не может снять с меня. Я сам не могу принудить милость благого мгновения. Напротив, дружеская помощь может многое сделать, когда речь идёт о том, чтобы однажды опубликовать разработанные лекции более чем сорока семестров и записи к упражнениям. Мой брат в Мескирхе многое предварительно сделал. План В. с лекцией о "Софисте" я нахожу очень красивым; за двадцать три года с тех пор я кое-чему научился. Вопрос в том, на какой текстовой основе можно было бы рискнуть публикацию. Всё это мы должны обсудить устно, и лучше всего здесь или в Мескирхе, где можно было бы получить доступ к рукописям. О состоянии философии в публичном мире я не осведомлён. От Жан-Поля Сартра я недавно прочёл только несколько страниц, по-настоящему не изучал ничего.

Строгое воспитание к простому ремеслу мышления было бы важнее, чем когда-либо. Я мог бы осуществлять его только в избранном кругу и только в перерывах собственной работы, которая уже давно не является моей собственной. "Доклад об истине" [Wahrheitsvortrag] я вам ещё достану; о "Пещерной притче" [Höhlengleichnis], от которой отдельный оттиск был запрещён, у меня, к сожалению, нет экземпляра. Из трактатов, статей и докладов последних пятнадцати лет легко можно было бы заполнить три тома. Но тогда я должен был бы пожертвовать год на тщательную окончательную редакцию и печать, — а это при нынешних обстоятельствах, с учётом моего собственного замысла, слишком драгоценно для меня; это было бы скорее занятием для старости. Однако "занятий" я уже много лет не знаю, поскольку всё мышление проистекает из столь глубоких и нуждающихся [notvollen] опытов и затрагивает западную и восточную судьбу в их корнях, так что только крайняя тщательность первых вопросов и бережливость слова сохраняют значимость. Мышление Бытия есть тишайший процесс во всей истории. Немногие, кто обращает на него внимание и послушен ему, принадлежат к невидимому и долго ещё не слышимому родству. Я радуюсь вашей принадлежности к этой готовности...»

Философский мир, судя по тому, что иногда рассказывают, по-прежнему жуёт скудные лозунги, которые несколько плохих истолкователей в 1928 году пустили в оборот о «Бытии и времени». Однако мнения о вещах-самих-по-себе остаются неважными по сравнению с unum necessarium: изначально мыслить само Бытие и не забывать старую раннегреческую поговорку: μελέτα τὸ πᾶν. Возьми в заботу [Sorge] Бытие сущего в целом. Ничто не является более пребывающим, чем Бытие. О него разбивается любая знающая и любая не знающая воля к опустошению, которая, даже когда она хочет себя, должна ещё свидетельствовать о Бытии. Что это Единое однажды человек просто постигнет и в своей повседневности, строя, творя и действуя, будет сохранять более светлым и постоянным, — для этого существует мышление и его строжайшая строгость.

[О безосновной метафизике]

Крик Бытия [Seinsgeschrei] безосновной метафизики должен быть изгнан [bannen] тишиной простого мышления — утишен [gestillt] в ска́з [Sage].

Предчувствуй след тишины утая [Spur der Stille des Hehls]. Скажи предчувствие из строгости соединения [Fugs].

[О единственной загадке]

Почему также и сейчас, и сейчас, посреди видимых и невидимых катастроф «мира», ещё меньше, чем когда-либо, человек прежде всего сущего испытывает близость Бытия, — это единственная загадка, продумывание которой ведёт в свободное, что, возможно, через три столетия где-то на этой звезде просветлеет [sich lichtet].

[О детстве на колокольне]

Когда мы ещё мальчиками стояли на тяжёлых колоколах, лёгкие, и с их размахом между открытыми воротами башни могли выкачиваться в свободную страну над широкими лесами вокруг — к бело-блестящим далёким соседним башням, — весёлое одиночество ранних лет.

[О двусоставности Бытия]

Загадочная констелляция прохода-мимо [Vorbeigangs] в самом событии [Ereignis]; словно Бытие двуобразно [zwiegestalt] как забытость Бытия [Seinsvergessenheit] и как приход близости его истины, которая со-мыслит себя [sich zudenkt] новому вспоминанию-бытия [Andenken]. Так остаётся в ныне обретаемой тишине призыв [Zuruf] — нужда [Not] безнужденности [Notlosigkeit], которая приходит из забытости Бытия, — пробуждать и дать впервые научиться сообразной ей боли.

Здесь (в хижине), где повсюду есть только тихо выросшее и просто соединённое [einfach Gefügtes], мышление также должно оставаться в той же стихии.

Бытие [Seyn] — никогда не схватывать [fassen], но оставлять [lassen]; но оставлять: Бытие.

[О «справедливости»]

«Справедливость» [Gerechtigkeit]? Что это такое, что они так называют и выкрикивают? Только перенапряжённая борьба дурного утаивания [Verheimlichung] беспомощной мести.

[О возвращении и основании]

Возвращение [Rückkehr]. — Возвратный ход [Rückgang] в основание метафизики — также | и это всё ещё сказано с оглядкой на метафизику, только от неё прочь, но всё же от неё — всё ещё «обоснование» [Gründen] и искание «основания» находится и остаётся в образе «строительства» [Bauens] философии: в образе дома (fundamentum), нацелено на обеспечение [Sicherung] и технику [Technie]; на «делание» философии и тому подобное.

Оставь также и обоснование [Gründen], и всякую страсть к основанию [Sucht zum Grunde].

Найди тихо себя без вопроса в возжигании [Entzünden] только той единственной свободы [Freye], которая свободу [Freyheit] себе со-бытийствует [sich ereignet] в раз-своении [Enteignis]. Свобода не имеет ничего общего с основанием и обоснованиями.

[О человеке как крае]

Человек — крайнейший край [äußerste Rand] в Бытии, вы-краиваемый [entrandet] к по-хищению [Entwendung] в раз-своение [Enteignis] из свободы милости [Freye der Huld].

Поющий щегол есть более сущее [seiender], чем чучело орла.

Человек: неизбежно прощальный по-вод [abschiedliche An-laß] мирности мира [Weltnis von Welt]: собственность [Eigentum] на-чала [An-fanges] в различение [Unterschied] в утай [Hehl]. Мирность освобождает [freyt] как по-хищение [Ent-wendung], при-тягивая [an-ziehend], начинать [anfangen] в по-вод [An-laß], оставляющего [Lassenden] оставления [Lassens].

[О человеке как ожидающем]

Человек: ожидающий [Wartende] из на-чала [An-fang] в различение к утаю [Hehl].

[О сказанном и сказанном]

Никогда сказанное [Gesprochene] ни в каком языке не есть то, что было сказано [Gesagte].

[О ремесле мышления]

Где ещё есть люди ремесла мышления? Не говоря уже о редких, кто знает, что это ремесло есть более потаённое [dichter], чем любое пение и всё искусство. Кто знает о руке, которая таинственно-со-бытийно [geheimnisvoll ereignete] чертит письменные черты, которые отнесены [bezogen] в отношение [Bezug], которое есть на-чало [An-fang] человеческого существа из по-хищения [Ent-wendung] в утай Бытия? Кто знает «произведение» [Werk], которое никогда не является [erscheint] в присутствие [Anwesung], никогда не стоит как поставленное, которое только со-бытийствует [ereignet] в свободное [Freye] сказанного слова в несказанном соединённой [gefügter] речи? Собеседование [Gespräch] тишины Бытия с утаем его истины? Где скрытое место [Statt] рук-дела [Hand-werks] ска́за [Sage] мышления? «Произведение» — не с-деланное [Gewirktes] действующей [wirkenden] работы [Leistung] и «творение» [Schöpfung] — ἔργον — явление долгого сияния просвета события.

[О боге]

Кто есть бог? древнейший, древний слуга Бытия?

Уж тем более боги и их родня?

Позволит ли когда-нибудь тот, кто нечто мыслил, вытащить мастерскую своего ремесла на улицу?

Кто есть человек? Собственник [Eigentümer] раз-своения [Enteignis] — пастырь вспоминания-бытия [Andenkens] в памяти [Gedächtnis] из события.

[О ремесле мышления как письме]

Ремесло мышления есть письмо [Schrift] поэтически творящего ска́за [dichtenden Sage] «Бытия».

Вместо того чтобы учиться «писать» из ска́зания [Sagen], учиться бережливости послушного письма, занимаются сочинениями произвольных рук и «занимаются» «графологией».

[Поэтический фрагмент]

Когда под разорванным дождевым небом вдруг солнечное сияние проносится над мрачными лугами.

[О начале прощания]

Оставайся в начале прощания [Anfang des Abschieds] в отпущенность [Gelassenheit] к памяти различия [Gedächtnis des Unterschieds]:

Мышление как >Бытие<. Это только имя [Vorname] различия.

Всё есть то же самое само [Selbe Selber]. Но то же самое только как собь [Eignis].

[О чтении и слышании]

Что «читают» и «слышат» в сочинении и в беседе только то, что уже знают и понимают, а «непонятое» измеряют только таким пониманием. Что вообще застревают на сказанном и не становятся свободными для несказанного, которое принудило [ernötigt] ска́зание [Sagen], отстранившись [sich entzog], в каковом от-странении [Ent-zug] со-бытийствует при-тяжение [An-ziehung]: событие свободы как при-тяжение.

«Мода», например, в поэзии, в «философии», в «искусстве» часто есть двусмысленный [verfängliche] модус, в котором нечто сущностное и судьбоносное [Geschickliches] совершает свой первый ход в истории: это есть проход-мимо [Vorbeigang] внутри «современности» его времени возникновения.

[О медлении и судьбе]

Всё судьбоносное [Geschickliche] посылает себя [schickt sich] и соединяется [fügt sich] из медления [Zögerung] — самое сущностное держится в должайшем медлении — есть само за-медление [Ver-zögerung]. За-медление по-хищает [ent-wendet] и в по-хищении [Ent-wenden] оно притягивает [zieht] к себе в раз-своение [Enteignung] сбережённой милости [gesparten Huld] и так нуждается и со-относит [be-zieht], со-бытийствует [er-eignet] отношению [Be-zug]. За-медление: собрание [Sammlung], которое освобождает [freyende] в медление и как медление. Сюда принадлежат в то же самое [Selbe] медление и годы. Оба суть способ [Weise] судьбы [Geschicks]. За-медление в соединении [Fügung] фуги [Fuge].

За-медление великого раз-своения [großen Enteignung]. — Великое — потому что из самого Бытия как этого самого себя [dieses Selber]. Что эта судьба исторически [geschichtlich] подготавливается в происшествиях и состояниях, в которых высшая злокачественность [äußerste Bösartigkeit] и двусмысленность [Zweideutigkeit] выходит наружу и страдание [Leiden] почти без меры, можно предполагать. Такое само есть знак. Жуткое [Grausige] брутальности — в одном с глубиной духа [Gemüts] — всё отношения [Bezüge] из на-чала [An-fang]. Великое

раз-своение (Бытия в истину свободы утая [Wahrheit der Freyheit des Hehls] и, т.е., в начало) есть ре-шение [Ent-scheidung] различия [Unterschieds]. Раз-личающее [Schied] — путь в начало и в выздоровление [Genesung]; соединение [Füge] крайней раз-личенности [Schiednis] (свобода [Freye]) [просвет укрытия [Lichtung der Bergung]].

Похищение [Entwendung]

Изображение[[417, 236, 532, 303]]

[О раз-личающем как соединяющей фуге]

Раз-личающее [Schied] как соединяющая фуга [fügende Füge] крайней свободы [äußersten Freye] к сокровенности [Innigkeit] того же самого себя [Selben Selber]. Соединяющая фуга и за-медление в соединении [Fügung].

Великое раз-своение и пред-знаки [Vor-zeichen]: о-пустение [Verwahr-losung] как таковое — уничтожение [Vernichtung] человека и истины. | Сравните с указанным местом.

Предзнаки сами снова неузнаваемы и, т.е., ещё скрыты в скрывающей себя метафизической интерпретации. (Сравните Ко.) — скрыты в признаках [Anzeichen], которые исчисляются из доселешнего, каузально как причина и цель и намерение — исторически [historisch] — т.е. историко-диалектически. Всё в нераскрытом [unenthüllten] различии неизбежно двусмысленно [zweideutig].

[О мышлении как поэтическом творении]

Мышление: собственное (в событие на-чатое [an-gefangene] — потому прощальное [abschiedliche]) поэтическое творение [Dichten] у поэмы [Gedicht] события.

Строгость [Strenge] — из соединения [Fügung] фуги [Füge], из освобождающего распоряжения [freyenden Verfügung] в ре-шение [Ent-scheidung] различия; из крайнего сокровенности того же самого себя, его утая. (Различие).

Судьбоносное [Schickliche] в широчайшую судьбу, в широту его медления — судьбоносное в истории Бытия. (Различие).

[О послушности языка]

Послушность [Fügsamkeit] языка из строгости судьбоносного, обитающая в нём — событийно [ereignishaft]. Слышание-принадлежанию [Gehören] оставления [Lassen]. Строгость мышления из памяти. Бережливость [Sparsamkeit] языка из свободы слова.

[О воспитании]

Воспитание [Erziehung]? Куда и откуда «тянуть» [Ziehen] — пока человек не находится в «человеческом» и это ещё вовсе не испытано — память [Gedächtnis] в событии [Ereignis].

Как воспитывать, если сначала человек не есть в отношении [Bezug] самого Бытия; т.е., если человек по своему существу не есть ис-пользуемый [Ge-brauchte] Бытия, от Бытия в Бытии со-отнесён [be-zogen], схвачен, позван в при-тязание [An-spruch] взят — со-бытийствован [er-eignet] в событие. Только когда человек собственно [eigens] прибыл [gelangt ist] в отношение, которое само таинственно есть утаение [Gehehl], воспитание может быть; возможно, тогда оно больше не нужно. Но как прибывает человек в отношение — т.е. в событие? Он «есть» уже прибывший и всё же «есть» это никогда? Что есть — обдумай «следствие» [Folge]

родительных падежей как соединённое из фуги события — с «есть» — и с этой двусмысленностью? Что есть с Бытием?

Что Есть? Признак [Anzeichen] предзнаков прихода прохода-мимо медления великого раз-своения к различию в со-утай [Ge-Hehl?]. (Иначе отвечают изображением сущего).

Что Есть? какой вопрос? не вопрошание — но ска́зание [Sagen] из вспоминания-бытия [Andenken] — как на-чатому [an-gefangenen] мышлению — мышление, собственное поэтическое творение у поэмы события.

[О сбережении былого]

Былое [Einstiges] сберегать [versparen] в приход, не прошедшее [Vergangenes] | в проходящую современность [gegenwärtige Gegenwart] спасать.

Вынашивание [Austrag] крайнего сокровенности разрыва.

[О лике и поэме]

Всякий лик [Gesicht] покоится в поэме [Gedicht].

[О собственном Бытия]

Мыслить в собственное [Eigene] Бытия. Собственное есть событие [Ereignis].

[О безрезультатности Бытия]

Должно ли, позволено ли на событие ещё что-то последовать? Не достаточно ли того, что Бытие остаётся безрезультатным [erfolglos]?

Что, если Оно было бы свободой [Freyheit] и её единственным принуждением [Nötigung]: научиться слышать-принадлежанию [Gehören] в начало к прощанию памяти в различие? Что, если в этом заключалась бы высшая способность, «ничего не делать», т.е. больше не давать себя возбуждать к хотению-действовать и долженствованию-действовать внутри о-пустения [Verwahrlosung] «мира» воли к воле, который должен быть «исцелён» через «морализм» и «гуманизм». Через моральных проповедников, которые одновременно допускают безумнейшие и величайшие мерзости опустошения народа из мести. —

Способность [Vermögen] Бытие-оставления [Seyn-lassens] Бытия как события — способность, исторически [geschichtlich] вынашивать это — имеет при этом видимость слабости, видимость оскорблённости, обделённости | исключённости; видимость раздражённого и забытого и недостаточно восхваленного, т.е. публично разглагольствованного и разболтанного. Вынашивание: публичный упрёк в бегстве, в безответственности, в неучастии. —

Но как далеко мы ещё отстоим от неприметной тихой силы чистого умения-ожидать [reinen Wartenkönnens] в высочайшем тишайшем действии мышления как обитания и строительства у обитания? Как легко мы впадаем в простое воздержание [Enthaltung] от всякой акции как ре-акции — без собственно оставления [Lassen]: без слышания-принадлежанию [Gehören]? —

Но как ре-шающе [ent-scheidend] есть этот единственный переход — да это пребывание [Bleiben] в вынашивании [Austrag] двусмысленности оставления? Как далеко вперёд ожидает [wartet] это оставление, которое себя готовит для события как раз-своения [Enteignung] в различие к утаю свободы недостатка [Fehls]?

Вынашивание настоянности [Inständigkeit] ожидания [Wartens] в оставлении — на любую опасность и внешнюю угрозу —

[Или: в круге действия]

или в круге действия [Aktionskreis] прежнейшего [Bisherigsten] усиленной деятельности [gesteigerten Betriebes] «действовать» [handeln] и «публично» добиваться признания и быть занятым тем, чтобы поспешно и деятельно устранять видимость, будто собственное мышление мертво и отказывает, т.е. снабжать некоторых или всех журналистов новым «материалом» для болтовни?

[О молчании]

Молчание [Schweigen] из строгости полноты ска́зания [Sagens] — кто понимает это? Кто достаточно послушен [fügsam], чтобы не торопить такое молчание и не истолковывать его превратно? Кто вообще способен из такого молчания слышать простой закон, который есть событие, а не пред-писание [Ver-ordnung] рассчитывания и команды?

Кто может среди всего этого ещё и почувствовать гнев [Grimm], который даёт нести боль Бытия: боль как событие страдания [Leid], утай впервые всякой печали [Trauer] каждого оставления как собственного свободного слышания-принадлежанию [freyen Gehörens] в Бытие?

Кто способен к вынашиванию этой несомости [Tragsamkeit] из молчания?

Для кого такое молчание есть даже слышание звона колокола ночи? (Сравните слово [?]"). Молчание как собеседование [Gespräch]?

[Об отступлении]

Отступление [Rückzug] — отступление оставления из мужества к широкому подозреванию [weiten Vermuten] загадки! — впервые просветляется натиск [Ansturm] отказа [Verweigerung].

[О знании и мышлении]

Знание [Wissen] и **мышление [Denken]**.

Знание есть стояние [Stehen] в состоянии [Stand] засвидетельствования [Bezeugung] видимости [Schein]. Мышление есть хождение [Gehen] в ходе [Gang] событийности [Ereignung] к Бытию. Видимость [Schein] простое кажимость [bloßer Anschein] — но предметное [gegenständliche] себя-показывание [Sich-zeigen].

Знание есть мнить [Meinen] (схватывать [Fassen]).

Мышление есть быть-бытием [Seinen] (Бытие быть-бытием [Sein seyn]: Бытия) (Оставлять [Lassen]).

[О необходимости ска́зания]

Не в этом дело: требуют ли тебя и отвергают ли одновременно от одной публичности, в которую ты попал и в которую тебя тащат, но в том, нужно ли твоё ска́зание [Sagen] в | судьбе Бытия. Как может кто-либо это проверить?

Три десятилетия почти я пытался подлинное [Eigentliche] всегда только мимоходом, и это было необходимо. Но в сущностном [Wesenhaften] никогда не бывает слишком поздно; всегда только слишком рано и потому слишком поспешно; тогда это было также не подлинным.

[О необычном]

Необычное [Ungewöhnliche], то, к чему человек никогда не может привыкнуть, что ему постоянно отказывает в любом привыкании, это не-обычное приходит из единственного [Einzigen] Единого [Einen] постоянно судьбоносного Бытия. И всё же это Единое попадает прежде — прежде всякого начала уже в забытость! Как соединяется то и другое? Не должно ли необычное постоянно показывать свой собственный род, род единственного, чтобы сохранять его и оставаться в нём и постоянно требовать вспоминание-бытия [Andenken] о Нём для Себя?

Единственно неприблизимое [einzig Unnahbare] есть близость [Nähe]. Но как же оставление [Gelaß] обитания в неприблизимом — ему самому дальше всего?

[О странном обращении]

Странное обращение [Verkehrung]: сначала теперь и при жизни и долго спустя всё только исторически [historisch] — поздно, в сокровенное время [verborgener Zeit] возможно однажды сущее [seyend] — мышление: ска́з [Sage]. Но разве превратно только обычное ожидание, что должно быть иначе?

[О фокусниках и заплатках]

Кто они, те, кто уже давно повсюду публично стремятся упорядочить и устроить «мир» и «жизнь», не испытав того и другого собственно, даже не желая испытать, даже не позволяя себя затронуть о-пустением [Ver-wahr-losung] самой истины, судьбой, в которую вся земля, самый сокровенный [verhehlteste] из звёзд, послана и впущена. Кто они, те, кто изношенными тряпками, пятнами и ломкими лоскутами снова и снова чинят вечно сношенные башмаки, в которых они отмеряют свою «картину мира» [Welt-Bild], даже если они уже давно отвыкли ходить и только несутся в каком-нибудь транспортном средстве? Починщики-сапожники [Flickschuster], которые едва предчувствуют ремесло и защищаются только тем, что снова заклеивают разорванное до следующего раза? Как таким, которые думают только о починке и никогда о разрыве [Riß], разрыв может стать вратами к Бытию? Даже этим самым [Selber]? Что тогда стало бы с ними и их занятием? Они стали бы «излишними», несущественными и от-далёнными [ent-fernt] из дали к Бытию, которое само есть даль. И бессознательный страх перед этим беспомощным не-быть-в-употреблении [Ungebrauchtssein] гонит их в постоянное оправдание своей починки, которая называет себя мировым порядком мировой безопасности и никогда не познаёт, что именно эта безопасность, достигнута она или нет, есть само бездонное [Bodenlose], в котором они вместе с публичным человечеством висят. Где ещё есть сапожник, который мог бы снять мерку и всё сшить вручную? который никогда не поставлял бы товар, но башмаки, в которых «жизнь» способна ходить.

[О единственном препятствии]

Единственное препятствие на пути теперь есть суетливая заботливость [Betulichkeit] мнимо доброжелательных, которые пытаются затащить то, что должно быть сказано впредь [inskünftig], обратно в доселешнее [Bisherige] и прилагают все усилия, чтобы «спасти» «куль-

туру» и «образование» — они всё ещё верят, что бедствие [Unheil] было бы избегнуто, если бы исполнители бедствия были «более образованными». Тогда как сейчас — мышление не отваживается на крайнейшие позиции, а именно на пути изначального преодоления [Verwindung] доселешней истории. Повсюду ещё и снова те же альпинисты фасадов [Fassadenkletterer].

[О подлинном ходе истории]

Собственно исторический ход [Geschichtsgang] ещё вовсе не пройден. Сейчас показываются только первые знаки его прихода. Всё ещё всё, и особенно грядущее [Kommende], берётся предметно [gegenständlich] как только пред-стоящее [Bevorstehendes], т.е. исторически [historisch] перерассчитывается. Подлинный нигилизм [eigentliche Nihilismus] только впервые придёт к вынашиванию [Austrag]. Он есть, и эта судьба сама не есть нечто негативное, и судьбоносное ещё не хранит существа «истории», а именно её собственное раз-своение [Enteignung] в событие.

[О литераторе]

Литератор [Literat] есть человек, влюблённый в публичность, который боится мышления, но втирает и вписывает своей публике, что он продумал, так что она, публика, полагает, что когда она читает «литературу», она сама «мыслит»: литератор отличается тем, что он выбирает актуальную и будущую публичность, чтобы теперь выписывать уже пред-продуманное [Vorgedachte] для неё.

[Об историзме]

Историзм [Historismus] — остаётся ли он также таковым, когда историю (поэзию — мышление —) перерассчитывают в будущее и новейшее и потому прошедшее (не мысля прошедшествовавшее [Gewesende]) перетолковывают в смысле грядущего. Но судьбо-бытийно [geschicklich] мыслить означает: вынашивать [austragen] судьбоносное в его собственное прошедшествовавшее [Gewesen] — и так опосредованно ставить его приход в свободное.

[О преждевременности мыслителя]

Каждый сущностный мыслитель приходит слишком рано [zu früh]; самые ранние суть те, кто остаются самыми слишком-ранними [Zu-frühesten] перед всеми потомками; они поэтому и сегодня ещё слишком раны и в будущем. «Мера» слишком-раннего есть мера «величия», если великое означает только: со-бытийствовать Бытию [dem Seyn vereignet], быть Им [Es zu seyn].

[Об опускании]

Как опускание [Weglassen] дано только при чистом богатстве! Как опускание только само впервые просветляет [lichter] и освобождает [freyt].

Как опускание только поздно — в зажиточную длящуюся пору [gediehener Weile] входит в нашу способность и тогда ещё едва ли может быть вынашиваема [ausgetragen] хоть малость от него.

[О коммунизме]

«Коммунизм» — в судьбо-бытийном смысле [seynsgeschichtlichen Sinne] — что возможно мышление, которое мыслит будуще [zükünftig] собственное существо того, что в русском коммунизме развёртывается отчётливее всего, и одновременно постигает партийную форму западноевропейского «коммунизма» как недостаточную и препятствующую, что мышление против партийного коммунизма — собственный коммунизм «утверждает», не как точку зрения, но как судьбу Бытия | завершённого нигилизма, который не есть ничто негативное и ничто позитивное — это, вероятно, никогда не дойдёт до буржуазного и научного мнения и так называемой «духовности» [Geistig-keit] и «образования». Поэтому «не поймут» так скоро, что было собственно определяющим в моём шаге 1933 года, который, однако, стал заблуждением [Irrtum]; не в только что сказанном, но относительно возможности в национал-социализме и относительно мгновения и пригодности мыслителя к административному действию в учреждении публичного обучения — существо империалистического материализма.

[О роке ослепления]

Рок ослепления [Verhängnis der Verblendung]. — Не только то, что хотят снова примкнуть — с соответствующими оговорками, естественно, и поумнев, но всё же — ко времени до 1933 года во всех его разновидностях, но и то, что и сейчас ещё не и снова не распознают, что уже желанное между 1918 и 1933 было слепо к тому, что собственно «есть» — в этом впервые показывается мера ослепления. Но есть ещё «философы», которые считают хорошим вернуться на 200 лет назад и примкнуть к «Просвещению», да вообще где-либо «примкнуть» и «обновить» и «преобразовать» нечто — вместо того чтобы «видеть»: что есть.

[О болтовне о духовной ситуации]

Те, кто устраивают болтовню [Geredemachen] о «духовной ситуации времени», суть самые слепые, потому что они не мыслят того, что упускают, потому что они не способны к этому и никогда этого не испытывали.

[О военном и милитаризме]

Старая фальшивая монета [Falschmünzerei] ещё раз: приравнивают военное [Kriegerische] к «милитаризму». Производство и выдача атомных бомб есть | «гражданское» — лучше — техническое дело и вовсе не «милитаристское» — но в высшей степени «военное». Кто клеймит «милитаризм», тот ещё не доказал, что он не хочет военного. Он вызывает самое большее подозрение, что ищет покрывало, чтобы скрыть своё военное хотение и сделать его невидимым для глупцов и трусов.

[О подлинном мышлении]

Подлинно мыслить [Eigentlich denken] означает — говоря от философии — покинуть философию [Philosophie verlassen]; больше не двигаться в её горизонте при ска́зании [Sagen] «Бытия». В какой мере Бытие допускает или даже даёт такое!

[О поиске нацистов за каждой мыслью]

Лучший метод помочь «реакции» и «реставрации», давно уже в истине разбитым, т.е. всякому принятию-вниманию [Vernehmung] истинного вот-бытия [Da-seins] к видимости жизни [Scheinleben], есть тупая и глупая страсть искать «нациста» за каждым, кто мыслит действительность как «волю к власти» или даже ещё радикальнее испытывает и мыслит эту мысль и отношение к Бытию. Если бы опошление [Versimpelung] немцев не возросло уже до 1933 года до безмерности, то «узнали» бы, что так называемый национал-социализм — без того, чтобы он и его партийные защитники это знали, — был толкаем совсем другой действительностью и что никто не был достаточно свободен и знающе-мысляще, чтобы вести в свободное и в измерение тех решений, которые уже давно налицо и которые теперь, несмотря на «антифашизм», всё же гонят в крайнее. Но и теперь дело не в том, прав ли Гитлер или Муссолини или кто-то ещё или нет, но в том, чтобы было испытано, что есть, и чтобы будущее поколение получило не только «шанс» бедности, но и шанс испытать, что есть, и быть-бытием [zu seyn] в: Бытие. Можно и сегодня таких, кто так мыслит, по испытанному образцу заточить и устранить как опасных и как развратителей юношества, можно из и без того испорченных университетов сделать моральное учреждение, сочащееся самодовольством, но никогда нельзя устранить то, что есть, и остановить то, что грядёт.

[О счастье плоских голов]

К особому счастью плоских голов относится, что они не способны мыслить бедствие [Unheil], которое их сметает, как таковое, что они скорее при своём рассчитывании виновного и невиновного всегда приписывают вину производным явлениям и участвуют в зрелище публичного мнения-производства [Meinungsbetriebs].

[О будущем взгляде на историю немцев]

Однажды придёт время, когда история немцев с 1914 года будет увидена без фасадов либерально-демократической историографии в её собственно действующих силах как продвижение воли к воле в смысле мирового процесса.

[О «справедливости» и отношении к слову мыслителей]

«Справедливость». — Весь мир возмущён совершившимся изгнанием [Austreibung] «справедливости». Пусть возмущение и | контрмеры против того изгнания на мгновение покоятся. Как обстоит дело со «справедливостью», которую, например, уже давно оказывают слову мыслителей и поэтов? Ужели когда-либо эта столь готовая к прыжку моральная возмущённость оставила себе мгновение, малое время, чтобы, например, поразмыслить о том, как в последние пятьдесят лет публичность образованных, наук и философии обходилась со словом и мышлением Ницше? Кажется, что здесь недостаёт не только необходимой чувствительности совести, но само «совесть» —; или мышление и мыслящее слово — вольная добыча для любого произвольного?

И если уже «вина» — есть ли тогда «вина», если и сегодня, в 300-й день рождения, Лейбница заталкивают в забытость, как будто ничего не случилось — что это всё — это отсутствие всякой робости перед мыслящим словом, которое говорит только самое продуманное. И при этом этот шум по поводу гибели многих, которых не знают и не хотят знать — | не то чтобы это

было как-то оправдано — только о масштабе и ранге идёт речь — только о вопросе, есть ли в сущностном — потому что оно не наглядно и не демонстрируемо на афишных тумбах кричащими плакатами, — есть ли в сущностном строгость и ответственность — позволено ли здесь «говорить обо всём» по вкусу, настроению и жажде признания, можно ли здесь просто пройти мимо и является ли не-мышление самым безразличным упущением. Или однажды познают, что здесь ты слуга забытости и попутчик безответственности, которая уже давно превосходит всякую публичную и прочую аморальность?

[О современной форме наук о духе]

Современная форма наук о духе [Geisteswissenschaften] и «философской работы» — заимствуют где-то новую формулу и обрабатывают ею «факты»; всегда что-то получается, и эти результаты считаются успехами, а успехи доказывают «науку» —; это всё предприятие [Treiben] есть единый бизнес [Betrieb] безмыслия [Gedankenlosigkeit], которому подпадают и молодые люди, у которых больше нет возможности научиться идти путём, т.е. вообще мыслить. Это всеобщее опошление [Versimpelung] есть лучшая питательная почва для всякого господства суеверия и тщеславия тех, кто делает открытия — в области «духа».

Сколь же мало из художественного ремесла [Kunstgewerbe] и ремесла [Handwerk] когда-либо возникает «искусство», столь же мало из научного занятия «философией» возникает «мышление».

[О коммунизме, национал-социализме и преждевременности]

Коммунизм. — «Национал-социализм» и «фашизм» были бы, если бы удалось | путём сделать «Европу» и её «образование» и её «дух» зрелым и готовым для «коммунизма». Но — это было слишком рано [zu früh]; ибо всё виделось только «политически»; даже не метафизически, не говоря уже о судьбо-бытийно [seynsgeschichtlich].

Переоценка [Überheilung] моего мышления 1933 года — и бессознательность духовных, которые только перед поверхностным, распространявшим дурной запах, морщили носы и принимали этот свой мнимо благородный, но очень плебейский [pöbelhafte] нос за критерий познания и размышления. Неспособность образованных [Versagen der Gebildeten] — но партийное на всех сторонах гнало всё в заблуждение [Verirrung]. Всё также пошло бы слишком легко; ибо судьба, которая грядёт, должна мыслиться ещё глубже, чем «нигилизм» и его «преодоление».

[О квадратуре круга]

«Квадратура круга» разрешается как учетверение [Vierung] кольца [Ringes] вы-кольцованного [entringten] разрыва свободы события раз-своения к различию в утай милости [Hehl der Huld].

[Три даты]

1807: Феноменология духа. 1867: Капитал. 1927: Бытие и время.

[О политическом]

«Политически» ориентирован [orientiert] не тот, кто знает | о партийных отношениях и течениях и участвует в них. Все партии суть передние планы [Vordergründe] совсем другого процесса — (возможность от партии войти назад и войти в этот процесс существует, но всё же исключена). «Политическое» должно мыслиться только из существа и судьбы человеческого существа [Menschenwesens], т.е. из истины Бытия. Не является «политически» ориентированным тот, кто «читает газеты» и в остальном безмыслен [gedankenlos]; правда, и мысль может не узнавать «политическое», пока мышление, а именно бытийно-забыто [seynsvergessen] «мыслит» и остаётся только пред-ставлением [Vor-stellen] и рассчитыванием.

«Политика» не есть судьба [Schicksal] — но «судьба» человека — со-бытийствует [ereignet] в судьбе Бытия — есть «политична», поскольку она касается общежития [Gemeinwesen] человека. Но как это — без того, чтобы существо человека пришло в опыт? Но это никогда не через «антропологию» — она занимается «о-пустением» [Verwahrlosung] человека.

[О том, что сейчас у нас «господствует»]

Что сейчас у нас «господствует»? Самообман во всех фазах и обличьях и «резиньяция», которая всё ещё есть форма самости [Selbstsucht] — и не даёт видеть, что есть — ре-акция повсюду —

[О преодолении метафизики]

Преодоление [Überwindung] метафизики, а именно судьбо-бытийное [seynsgeschichtliche], а не какое-то мнимое учёное, также не «философское» опровержение — есть преодоление, судьбо-бытийное, философии. Философия пришла к концу. Сравните с указанным местом.

[О метафизике как существе философии]

Метафизика есть существо [Wesen] «философии»; оба имени говорят то же самое, что здесь Бытие остаётся бесприютно-истинным [wahrlos], потому что — после того как спрашивается о Бытии сущего [Sein des Seienden] и это пред-ставляется [vorgestellt] на Бытие. Метафизика есть существо философии, но она также никогда не есть из Бытия со-бытийствовавшее [ereignete] мышление самого Бытия в различие.

[О последствиях конца философии]

Какие следствия имеет конец философии для того, кто ещё считается «философом», о котором полагают, что он единственно стремится считаться таковым?

Почему он молчит двадцать лет? Почему его не оставляют при его молчании?

Конец философии есть на-чало [An-fang] в мышление. Мышление не рассматривает «мир», но оно изменяет мир, подготавливая впервые для него отпущенность [Gelassenheit] к его истине.

[О действительности и мышлении]

Принуждает [Drängt] ли «действительность» к мышлению? Со-бытийствует ли Бытие Бытие-оставление [Seyn-lassen] Бытия? Становится ли воля к воле самим событием? Тогда было бы больше не нужно «реализовывать» [verwirklichen] мышление («идеи») в «действительность», которой больше нет.

[О практическом и духовном]

Почему у нас практическая жизнь бездуховна [geistlos], а духовная жизнь непрактична? В какой мере то и другое и в их отношении спутано [verwirrt]? Не есть ли то и другое больше не «действительное» [das Wirklich], если предположить, что собственно только Бытие есть?

[О необходимости масок для мыслителя]

Когда ещё не было современной публичности и не было назойливости беспардонной болтовни и торговли именами и мнениями, мыслителю ещё не нужны были маски. Что Ницше должен был собственно испытать это и мог сказать, принадлежит к истории Бытия.

Знаете ли вы всё ещё не и даже всё ещё меньше, что у мыслящего, чем более он мыслит, нет родины, в которую можно было бы «посветить ему домой» [heimleuchten], можно было бы посветить домой?

Бытие [Seyn] — крайнейшее раз-своение [Enteignung] ...

[О предпосылке философствования]

Что каждый «действительно» мыслящий должен оставаться движимым и гонимым простыми загадками Бытия, что это есть пред-посылка [Vor-bedingung] всякого «философствования», что в этой области сущностные опыты [wesentliche Erfahrungen] должны стать несущим [Tragende], — всё это говорит всё же не о том, что каждый начинающий приват-доцент делает такое темой своих «произведений» и высказывается об этом, например, о том, что Ницше высказал в конце пути своей боли в слове: «что мы не имеем истины» [daß wir die Wahrheit nicht haben] («истины», т.е. истинного).

[О необдуманности «Бытия и времени»]

Ещё даже не начали размышлять о «Бытии и времени».

«Что мы не имеем истинного» — проистекает из того, что мы не «имеем» истины в смысле существа истины [Wesens der Wahrheit], а не только существа истинного, что мы вместе с тем не «имеем» «истины существа» [Wahrheit des Wesens]. Что означает всё это? [О-пустение].

[О Кьеркегоре и Ницше]

«Кьеркегор и Ницше» — снова и снова всплывает это пагубное и поверхностное сопоставление, пущенное в оборот литературщиной и Ясперсом, в которое иногда ещё примешивают «Гёльдерлина».

Кьеркегор же есть — возможно, неверующий — христианский писатель, который не будет поддаваться подведению ни под какую категорию, поскольку он сам впервые вырабатывает подходящую для себя.

Ницше есть метафизический мыслитель, в котором все вопросы, пути и позиции метафизики и существо метафизики через «метафизику» — т.е. без достаточного мышления — ещё раз совершаются, должны ещё раз со-бытийствоваться [sich ereignen].

В обоих совершенно различные исторические необходимости [geschichtliche Notwendigkeiten]. — Только сегодняшний антропологизм сбрасывает их вместе и превратно истолковывает одного через другого.

[О тщетном как обычном]

Тщетное [Vergebliche] есть теперь обычное [Gewöhnliche], что указывает на то, что отчуждение [Entfremdung] человека к Бытию достигло изме- | рений [Dimen-sionen], для определения которых нам, сегодняшним, недостаёт всех мер.

Ничего больше нельзя достичь половинчатыми решениями и через опосредование [Vermitteln]; только в изначальном ре-шении [Ent-scheidung] всё со-бытийствуется [ereignet sich]. Всё «радикальное», однако, остаётся ещё скрытым от самого себя в своём «основании» — которое без-основно [grund-los] — есть само Бытие. Что Оно Есть — мыслить. Поэтому высшая нужда [Not] есть крайняя заботливость [Sorgfalt] и простота [Einfach-heit] и поэтому ничего не достичь в поспешной публичности; поэтому же и выносить эту публичность — боль ожидания [Schmerz des Wartens]; это не есть «отстранённость» [Abseits] или даже ещё «раздражение» и превосходство; это есть только ежедневно более глубокий опыт неизбежной изначальности во всём во - время, когда выглядит так, будто всё пришло к концу. Оно пришло к концу — но этот конец есть крайнейшее сокрытие [Verhüllung] начала из события к различию в раз-своение [Enteignung] (сбивающее с толку близость к Бытию (воля к воле) в судьбо-бытийно испытанном [seynsgeschichtlich erfahrenen] «коммунизме» — чьё название столь же недостаточно, как любое публичное заглавие и любое партийное обозначение).

[О собственном]

Познай это как собственное [Eigentliche] (Высшее — Глубже): быть имеемым [Gehabt zu sein], а не только восхваляемым и глупо обсуждаемым.

Незначительное [Geringfügige] и в то же время существующее [Wesende] мышления.

[О морали и вине]

Как может человек, будь он даже назначенный профессор философии, брать на себя смелость рассуждать о «вине» — когда никто не знает, в каком Бытии мы вообще находимся и пребываем. К чему залежалые реквизиты «морали» и «права» во - время — когда то, что собственно есть, в каждое мгновение больше не знает всего этого и совершается совсем другое. Что, если искусственно инсценированная виновная возня и писанина [Schulddreherei und -Schreiberei] была бы фасадом, который воздвигается перед волей, которая исключает нас из своей истины? [Никогда этим не должно «оправдываться» преступление — но также и не то судопроизводство, которое делает политическую пользу из таких ситуаций — не входя и не будучи в состоянии войти в собственно сущее.]

[О технике и духовном]

Также и это есть следствие скрыто господствующей «техники», что она распространяет мнение, что духовное [Geistige] [истина Бытия], когда оно приходит в слово и произведение, должно быть уже понято, более того, должно быть немедленно так устроено, чтобы оно было понято и доступно каждому, чтобы оно было употребимым делом и как таковое могло быть доставлено. На этой предпосылке покоится вся культурная деятельность [Kulturbetrieb], даже сама идея культуры как форма техники «духовного», которое в новое время считается творческим и соответственно истолковывается также как ценность.

[О лицемерии и коррупции мышления]

Нельзя достаточно громко возмущаться распадом «науки» и «истины» во время господства национал-социализма — и в то же время позволяют — не произвольным приват-доцентам философии — но как признанный философ, в упражнениях [Übungen] позволять бессознательным и благоговейным юнцам в течение часа говорить в тезисах о «Платоне» и «Гегеле», как если бы они были какими-то писателями журнальных статей; не только терпят, но систематически насаждают и выращивают наглость [Frechheit] по отношению к истории и по отношению к мышлению и строгости размышления [Besinnung] и ска́зания, занимаются опустошением [Verwüstung] под мнимой «трансформацией» [Wandlung] дурного доселешнего, что уже ничем не может быть превзойдено и имеет перед прежним только то преимущество, что оно скрывает свой собственный распад [Zerfall] под «морализмом» и старыми лоскутами «образования» и «духовности» и развёртывает громкую деятельность и одобряется публичностью, столь же неспособной судить и чуждой делу. Есть ли большая лживость [Verlogenheit], чем это новодуховное [neugeistige] предприятие, которое называет себя «жизнью в университетах»? Эта коррупция [Korruption] мышления есть следствие совсем другого о-пустения [Verwahrlosung].

[О немецкой публичности и нацизме]

К тому же «немецкая публичность» пропагандистски так коррумпирована, что любая попытка размышления о том, что собственно есть всемирно-исторически [weltgeschichtlich], клеймится как усилившийся | «нацизм». Знают ли эти господа в университетах собственно, кто перед ними во фронтовиках [Frontsoldaten]? Достаточно ли сказать, что это «необразованные» и введённые в заблуждение бессознательные, которые рассчитывают только на новую смуту и стремятся к ней — не знают ли они, что они внутри скрытого, ещё вовсе не выношенного [ausgetragenen] спора нововременной европейской с### с самой собой совершали жертвенные ходы [Opfergänge], о которых умалчивают, в то время как другие вещи, имеющие ещё другие стороны, злоупотребляют для огромного шума и повсюду видят только «жертву» там, где, возможно, отсутствовала предпосылка для жертвы? Что это всё — эта коррумпированная измена собственному духовному юношеству, которая сейчас на немецких университетах практикуется по команде?

Можно легко подсчитать из этого, что сделали бы эти снова воскресшие господа [Herrschaften] по части растущей бессознательности, если бы они в 1933 году остались у власти — этим соображением никоим образом не должен быть «оправдан» «национал-социализм» — т.е. его столь же непревзойдённая историческая бессознательность. [Сравните «Воспоминание Гёльдерлина», 1943].

[О социализме и национал-социализме]

Это дёшево, но также и глупо и, чтобы говорить морально, возможно, всё же безответственно — набрасываться на национал-социализм, ни разу не подумав серьёзно | о «социализме»; это не просто «политическое» партийное дело, это нововременная антропология внутри техники — это есть часть завершения истории существа [Wesensgeschichte] Нового времени. Морщат нос над «нацистами» и их террором и цепляются за всё поверхностное и неоспоримо отвратительное отдельных партийных функционеров и учреждений — и обманываются насчёт того, что здесь, без собственного знания национал-социализма, было желанно, должно было быть желанно — так увёртываются с помощью возмущений и моральных объяснений от того, что собственно есть, и спасаются, возможно, даже в XVIII век или куда-то ещё и не видят, что уже есть — не только, возможно, «грядёт». Что думают себе эти безвредные учёные в своём рвении, с которым они заговаривают сегодняшнюю молодёжь и тиранят её своими устаревшими учёными притязаниями? Думают ли они действительно, что этой «духовной жизнью» можно ещё чего-то добиться и вообще быть? В этих прославленных и удерживающих себя наверху со всеми возможностями компромисса кругах не знают даже предпосылок, чтобы когда-либо вообще приблизить себе серьёзную мысль «о» «социализме». Живут только в дрожащем страхе перед «мышлением» — и | уже считают себя в безопасности, когда ничего не знают о том, что есть, и внушают себе, что они не должны ничего знать об этом или даже ещё мыслить об этом, потому что они ведь «занимаются» чистой, объективной наукой — т.е. убивают время и делают из этого «бизнес».

[О пути и забытости Бытия]

Путь [Weg]. — В решающем опыте забытости Бытия [Seinsvergessenheit] в 1921 (сравните Замечания I, 32), в котором само Бытие в своей истине было со-мыслено [zugedacht] как со-мыслимое [Zu-Denkende], просветлилась [lichtete sich] истина более сущностно из ἀ-λήθεια, таким образом, что в ней была со-мыслена [mitgedacht] λήθη, сначала как «забывание» и ещё всюду ощупью, пока впервые «вот-бытие» [Da-sein] не было испытано в эк-статическом, экзистенциальном смысле. Впервые в летнем семестре 1923 обсуждённое существо «заботы» [Sorge] отнесено [bezogen] на само Бытие и поэтому также на человеческое существо, которое в проекте Бытия брошено стоит [geworfen steht] — брошено: т.е. так, что проект не, например, в смысле «субъективного» полагания и планирования впервые полагает «Бытие» и пред-ставляет [vor-stellt] как «субъективное». Тем не менее «трансцендентальное» ещё в «Бытии и времени» удержано, хотя и не обосновано на «субъективности», но испытано из экстатического существа вот-бытия. (Сравните указанное место).

[О учении]

Учить [Lehren] и **учить**. — «Учить» может означать: излагать [vortragen] учение [Lehre], высказывать мнимо обязательную систему истин и требовать для неё согласия через способ доказательства.

«Учить» может, однако, также означать: давать учиться [lernen lassen], а именно мышлению как бытие-оставлению [Seinlassen] Бытия. Ещё скорее: давать учиться учению [lernen lassen das Lernen] — умению-слышать [Hörenkönnen], размышляющему [sinnende], и это есть сущностное в присвоении [Aneignung] всего сказанного мышления: в «чтении» [Lesen], которое собирается на со-мыслимое [Zu-Denkende].

Учить [Lehren]: давать учиться чтению.

Но как, если диктатура публичности через господство «газеты» делает чтение невозможным под видимостью, что она воспитывает «читателей»?

[О господстве альтернативы трансценденции]

То, что уже давно господствовало, но недостаточно ясно в своём произволе было познано, теперь медленно выходит на свет (сравните ниже):

отношение человека к «Бытию» понимается как отношение к «сущему в целом» и только так. Возможности этого отношения сводятся к «простому» либо-либо: либо утверждают | «трансценденцию» (осторожное имя для сверхчувственного как Бог), либо являются отрицателем «трансценденции».

Трансценденция есть высшее и всё обосновывающее «сущее» — называемое «Бытием».

Но как, если кроме сущего было бы ещё Бытие — и вместе с ним различие [Unterschied] между сущим и Бытием? Как, если вопрос мышления шёл бы к Бытию и даже ещё изначальнее к истине Бытия? Тогда-то либо-либо, в которое всё помещают, вообще не достигает туда, где мышление только начинается. Тогда следствием будет, что мышление, которое пытается мыслить именно это, Бытие, необходимо или сорвут на сторону утверждения трансценденции или вытеснят на сторону отрицания. Будут инсценировать глупую — бесконечную болтовню об этом безмысленном предприятии и, так как полагают себя в обладании всеми возможностями мышления с помощью либо-либо, никогда больше не придут к мысли поразмыслить о том, что это мышление, возможно, могло бы мыслить. Будут, и это есть последний акт диктатуры, объявлять, что именно это мышление, которое туда-сюда таскают в либо-либо и всё же нигде не могут поместить, двусмысленно [zweideutig], возможно, даже лживо и нечестно. Тогда говорят о том, | что само своей безмысленностью в замешательстве туда-сюда таскают, что оно нерешённо и должно было бы наконец объясниться, на какую сторону оно хочет принадлежать.

Это положение неизбежно в мгновение, когда метафизика в себе становится вопросом, т.е. μετά и trans, т.е. различие и т.е. истина Бытия как бытие [Seyn] истины.

[О переоценке и недооценке философии]

Переоценка [Überschätzung] философии, как если бы она могла и должна была давать жизненную опору в «трансцендентном», есть одновременно **недооценка [Unterschätzung] философии**, которая, когда-то ожидаемое отсутствует, отбрасывает мышление в сторону. В то время как мышление находится в пути, чтобы впервые указать в стихию человеческой судьбы [menschlichen Geschickes]. В то время как мышление только начинает давать мыслить, что и как человеческая судьба уклонилась [gewichen ist] из стихии, едва ли испытав её. (Июнь 1946).

[О торговцах и шуме]

Хуже, чем то, что нас грабят, есть то, что они нам приносят.
Шум торговцев — пусть говорят —
мысли, (мысляще) скажи, но не резонёрствуй [räsonniere].

[Об осторожности]

Осторожно [Vorsichtig] перед делом [Sache], безжалостно [rücksichtslos] против мнения [Meinen], но почти израсходованный [aufgebraucht] от осторожности, ска́зание [Sagen] остаётся невысказанным [bleibt aus].

[О предмете разговора]

Можно стать происшествием [Vorkommnis], о чьей защите и упорядочении условились [verabredet]. Меряют [bemessen] по мерам [Maßnahmen], о которых есть договорённость [Abrede]. Становишься предметом [Gegenstand] болтовни [Geredes].

Эпоха, её передний план, кончает [verendet] в журнализме.

[О месте, где не можешь сказать]

Для каждого из нас есть место, где он уже не может испытать и сказать то, что его самого мыслит.

[О главной добродетели мышления]

Главную добродетель мышления, **терпение [Geduld]**, мы учим с трудом и потому поздно: вынашивание [Austragen] и ожидание [Warten]. При этом помогает нашей слабости знание, что там и здесь кто-то идёт своим путём как странник, но не как последователь секты, которая изобрела диктатуру публичности.

[О переходе как повороте в Бытии]

Переход от одного к другому есть не смена методов и точек зрения, но поворот [Wende] в Бытии (и потому впервые в человеке). При этом повороте, однако, на кону стоит существо техники («метафизически» мыслимое) и вместе с ним «наука».

[О деструкции и позитивности]

Кто из многих пишущих, которые говорят о «Бытии и времени» и «экзистенциализме», когда-либо размышлял о «деструкции» [Destruktion] и о том, как она уже продемонстрирована в моих истолкованиях, — кто предчувствует что-либо о «позитивности» [Positivität] в кажущемся «негативном» «понятии». Кто видит: историю Бытия [Seinsgeschichte]?

И кто же ещё способен испытать, что есть раскол [Zwiespalt] между почитанием и освобождением про-бывшего [Ge-wesenen] как грядущего и необходимостью, таким образом исторически [geschichtlich] самому (исторически) сказать нечто?

[О свете и костре]

Ярче, чем просвещение [Aufklärung], которое, возможно, способно принести книгу в её сказанном, есть свет, который светит, когда книга публично сжигается на костре запрета и осуждения.

[О судьбе Бытия]

Мы должны меньше гоняться за персонами, их продуктами, их сектами, но больше внимать судьбе | «Бытия» и только впервые научиться обдумывать это. Мы должны выбить имена из смысла и размышлять о деле.

Было ли бы так уж особенно трудно с 1927 года изготовить кое-какие толстые книги? Не трудно, но излишне и, прежде всего, самообман и просто развлечение публичности.

[О солнечных часах в тени]

Как долго ещё может господствовать спешка перерассчитывания [Hast des Verrechnens]? Или она только ещё приступает к тому, чтобы установиться как закон махинации [Machenschaft]?

Возможно, мышление, которое я пытаюсь, ещё долгое время будет подобно солнечным часам в тени. Они ни на что не годятся и не имеют ничего показать. Но кто есть тень? Публичное мнение, которое медленно устанавливает своё насилие и зажигает искусственные огни, которые даже теневое ещё скрывают?

[О возмущении журналов]

«Журналы» возмущаются сегодня, как в организованном негодовании, о якобы ныне прошедшем злоупотреблении языком. Они не замечают и не обдумывают, что они уже своими заголовками | разбазаривают сущностные слова тишины в безмысленность публичного мнения.

[О свободе от предприятия]

Пока тебя ещё тошнит от предприятия [Treiben], ты не свободен по отношению к нему.

[О возвращении на родину мышления]

Отступить [Zurückziehen] мы можем только тогда, когда мы уже въехали [eingezogen] на родину мышления. Заметь это хорошо. Эта земля имеет свои собственные законы.

[О мыслях]

Мышление [Denken]. — Мы никогда не приходим к мыслям [Gedanken]. Они должны приходить к нам. Чтобы они нашли нас готовыми; для этого есть мышление, заботиться о такой готовности [Bereitschaft].

[О весёлом собрании]

Весёлое собрание [heiter Sammlung] мышления есть благообразное обитание [schickliches Wohnen] посреди окружения дураков и завистников, которые из собрания уже отречены [verleugnet].

[О храмах и бабьем деле]

Через поведение [Gebahren] вроде деятельности баб-уборщиц [Scheuerweiber] нельзя строить храмы, в которых ещё могло бы обитать существо Бытия. Этого и не хотят. Хотят только власти.

[О нигилизме и христианстве]

Как будто нигилизм не бродит повсюду и только ещё начинает обустраиваться. Нравятся себе в том, чтобы не видеть нигилизма, дабы беспрепятственно наслаждаться вновь обретённым шансом деятельно участвовать в махинации, которая не делает никаких приготовлений к тому, чтобы уступить. Жалкая роль, которую сейчас играет христианство, может впервые выйти на свет, когда последняя видимость одолженного [erbortgem] блеска из его высокой эпохи угаснет. Знает оно это сейчас или не знает, как оно используется нигилизмом в качестве удобного предисловия [Vorspann], может остаться меньшим вопросом.

[О страхе перед мышлением]

Страх перед мышлением [Angst vor dem Denken] превращается теперь в мужество [Mut] «экзистенции перед трансценденцией». Новое в этой фальсификации есть только то, что ей уже никто не верит, даже те, для кого она есть бизнес. Возникающему окружению [Umwelt] выпадает [entfällt] всякий возможный масштаб и всякий образ, по которому оно ещё могло бы усмотреть и измерить, что есть мышление. Тем не менее дело дошло до мышления.

[О заблуждении 1933/34]

Заблуждение [Irrtum] 1933/34: я не видел, что существует нечто вроде мировой публичности [Weltöffentlichkeit], которая беснуется за границей и внутри страны. (Сравните указанное место).

Я тем временем уже научился, как решительно разное | протекает в разных областях. «Веление несправедливости» [Gebot der Ungerechtigkeit], Ницше называет это «волей к власти», ещё не достигло своей цели. То, что мир видел от этого, было только предисловием. Другое к тому «велению», а именно отпущенность [Gelassenheit] мышления, остаётся ещё долго скрытым. Европа уже подверглась —, т.е. перешла к Америке и России. В этих «новых» мирах, однако, только старое в ходе следующих столетий приходит к своему концу. Здесь нет никакого начала, а только широчайший и плоский исток [Auslauf]. Но «Европа» не есть Запад [Abendland]. Оно уходит назад в сумерки и исчезает на долгое время в мировой ночи. Но оно не гибнет [geht nicht unter], потому что не может погибнуть, так как оно ещё не взошло.

[О смерти]

Это не пророчества. Скорее только воспоминание о таком, что уже давно лежит в забытьи.

Как далеко ещё, даже в близости — смерть.

[О необходимости мышления]

Что мышление снова и снова видит себя возвращённым в единственное, им самим соединённое [erfügten] пространство своего единственного поминания [Gedenkens], свидетельствует ему о его необходимости. Других подтверждений нет, кроме этого судьбоносного [geschickliche], согласно которому нужно оставаться без продвижения [Fort-gang] к другому в мышлении той же мысли: в испытании забытости Бытия — вспоминание-бытия [Andenken] о былом отказа [Einstigen der Versagnis] как поручительства [Bürgschaft] прихода события.

[О неизменности основного вопроса]

Основная позиция вопроса Бытия [Grundposition der Seinsfrage] не изменилась. Я только научился испытывать её впервые сущностно и чисто от прежних искажений [Verstellungen] (трансценденция и тому подобное); в этом смысле многое изменилось: т.е. многое отпало. Поэтому дело не в учёности философии, которая упорядочивает такое мышление в свои ящики и коробки, но в людях, которые непосредственно испытывают и из этого знают, что в отношении Бытия к человеку неприметно [unversehens] нечто со-бытийствовалось [sich ereignet hat], что не поддаётся оценке по успехам и эффектам. То, что со-бытийствуется, со-бытийствуется не через мышление, но в мышлении и, т.е., над ним. Но оно на-чато [an-gefangen] в родство к событию; есть только как это. Сравните указанные места.

[О Европе и Западе]

«Европа» — это нововременная обличье [Gestalt] забытости, в которой Запад [Abendland] удерживается [zurückgehalten wird]. Христианство, т.е. паулинистско-гностическо-римско-эллинистическая организация евангельской жизни Иисуса, есть предформа [Vorform] Европы. Оно не имеет ничего общего с Западом, потому что оно отрицает гречество [Griechentum] самым двусмысленным способом перетолковывающего использования для своих целей; почему гречество считается язычеством [Heidentum].

[О вспоминании-бытия и историческом]

Вспоминание-бытия [Andenken] мы ещё слишком легко и слишком основательно смешиваем с **историческим [Historischen]**. Это есть форма технического произведения [Herstellung] истории. Поэтому сегодня действительные, т.е. эффективные [wirksamen] историки — не профессора истории, но радио- и кинорежиссёры. Профессора могут только более или менее скрыто спешить подражать режиму [Regiment] тех режиссёров, т.е. журнализму. Обрати внимание на жаргон, на котором они говорят. Никто не говорит на подлинном языке. Однако это очень многослойное, но жуткое дело.

История [Historie] есть противница [Widersacherin] судьбоносного [Geschicklichen] истории [Geschichte].

[О боли]

Боль [Schmerz] раздаривает [verschenkt] свою целительную силу большей частью там, где мы её не подозреваем.

[О розенкранце]

Карл Розенкранц пишет однажды (1840) о предприятии гегелевской школы и антигегельянцев: «— всё же напрасно. Ваша неистовая борьба есть только форма учения, и внутренне вы уже собственно преодолены тем, что вы внешне поносите и презираете».

[О секуляризации]

В последнее время много говорят о том, что «экзистенц-философия» [Existenzphilosophie] «секуляризировала» теологические мысли и понятия. Этим хотят опосредованно дать понять, что она не оригинальна. Как будто дело в этом. Сущностное и потому самое трудное есть мыслить то же самое [Selbe]. И «секуляризировать»? Дело, если уже, в том, что избрано для обмирщения [Verweltlichung] и как это обмирщение совершается, как «мир» сам себя определяет, в который «обмирщается»! Как, если именно это впервые следовало бы мыслить, чему не помогает весь «христианизм». И наконец: если уже должно считаться [gerechnet], то не должна отсутствовать обратная калькуляция [Gegenrechnung]: сколько «языческой» философии Августин, сколько Фома «христианизировал». Болтовня о секуляризации оказывается глупым коварным пустословием [hinterhältiges Geschwätz].

[О христианской философии]

Это болтовня тех, кого в более ясные часы всё же мучит дурная совесть из-за махинаций, которые они выдают за «христианскую философию».

Если же указать им на это гнилое место [faulen Fleck], то они ещё и этот указатель [Hinweis] переворачивают и жалуются в публичность: здесь идёт борьба против веры и церкви.

[О мировой истории и соединении]

Мировая история из соединения [Fugen]? Нет — «из» соединения [Fugen] суть только никогда не соединённые [nie gefügten] современные представления об «истории» — в то время как «история», правда, развёртывает свою судьбу в однозначности [Eindeutigkeit] соединения [Fügung] так, что охотно ищут отговорки, новые перспективы, будущности и «начала». То, что судьбо-бытийное [seynsgeschichtliche] мышление говорит о «начале», не должно быть «исторически» [historisch] превратно истолковано в смысле каузальной последовательности развития, но также и не «органически» в смысле Шпенглера.

[О журнализме]

Журнализм [Journalismus] — он принадлежит к технике. Он есть техническая организация необходимых для публичности иллюзий, согласно которым «народ», т.е. масса, воображает [einbildet], что он сам себя определяет и господствует.

«Демократия» как маскирующее имя [Deckname] для планетарного мошенничества. Это слово настолько лживо, что | оно не действительно даже тогда, когда под ним понимают «господство черни» [Pöbelherrschaft] снизу; ибо и это есть просто видимость [bloßer Schein] внутри империализма диктатуры функционеров развязанной [losgebundenen] воли к воле как безусловной махинации.

[О позоре немецкого народа]

Мировой позор [Weltschande], который угрожает немецкому народу, позор перед скрытым миром судьбы [Geschickes], а не перед «миром» как журналистской организацией публичности черни, отнюдь не есть «вина», которую «ему» вменяют, но неспособность в судьбоносной установке [geschicklicher Haltung] погибнуть и презирать «мир» современности. И всё же: в скрытом есть больше «установки» [Haltung] и «героизма», чем весь «демократический» крик даёт предположить. —

[Об атеизме]

Атеизм [Atheismus]. — Судьбо-бытийное [seynsgeschichtliche] мышление должно отклонять квалификацию как атеистическое, не потому что оно переходит на сторону теизма, но потому что эта квалификация всё ещё вносит мышление в связь с теизмом, который с атеизмом принадлежит в ту же область той же альтернативы, в которой и через которую как раз основной вопрос мышления [Grundfrage des Denkens] застраивается [verbaut] и удерживается в забытости.

Больше всего стоишь сам себе на пути, чьё собственное [Eigenes] есть всё же иное.

[О заблуждении 1933 года]

«Заблуждение 1933 года» — необходимо, чтобы об этом заблуждении не составили себе ошибочного представления. Заблуждение состояло не в том, что была предпринята попытка с «национал-социализмом» как обличьем [Gestalt] неизбежной реализации и установления абсолютной метафизики воли к воле, чтобы подготовить её самое из себя и тем самым мировую судьбу в переходе к преодолению метафизики. Это было и остаётся близостью к тому, что «есть», ещё есть — несмотря на жалкий и преступный окольный путь [Abweg] этого явления. Это было и остаётся решением [Entscheidung], которое было более сущностным, чем всякое стояние рядом и морщение носа тех, кто со своей «христианской» или «либеральной» или «консервативной» или также «социал-демократической» партии знал «лучше», чтобы затем годами давать себя содержать [aushalten lassen] от «порочной» [Verruchten] системы. Заблуждение 1933 года состояло в том, что не было распознано, как мало подготовлены силы, как мало исторически [geschichtlich] пригодны, как мало свободны они, несмотря на необходимый догматизм.

Заблуждение состояло в том, что функционеры не были распознаны как функционеры. Но, возможно, они ещё не были ими; они ещё не доросли до этой роли. Они вскоре стали играть мелкобуржуазно [kleinbürgerlich] как неудавшиеся [verunglückte] цезари.

[О не-политическом характере заблуждения]

Заблуждение было не просто «политическим» в том смысле, что ошиблись в «партии»; политически во всемирно-историческом смысле [weltgeschichtlichen Sinne] решение не было заблуждением; ибо оно должно было заранее не оставаться при национал-социализме как таковом, как установлении для вечности; он мыслился как конец метафизики, как переход, который сам может быть преодолён только из начала. Поэтому указание, особенно на: Бог мёртв и на изначальное τέχνη греков. Не ради «гуманизма», но из всемирно-исторического мышления: заблуждение состояло в мнении, что такое может быть непосредственно установлено и продви-

нуто в мгновение. Не удалось даже это: довести до знания то, что было на кону и теперь более однозначно [eindeutiger] стоит на том же кону, теперь, когда произошёл некоторый наглядный урок [Anschauungsunterricht], который содержит ужасное — но что происходит? В университетах и в других местах всё ещё находятся в 1890 году.

[Цитаты: Ницше и Келлер]

«Отвращение к грязи может быть столь велико, что оно мешает нам очиститься, — оправдаться» Ницше, По ту сторону добра и зла, 1885/6, n. 119.

«Здоровее ничего не надеяться и создавать возможное, чем восторгаться и ничего не делать.» Готфрид Келлер, письмо от 26 апреля 1850 года.

[О машинерии убийства]

Что нынешняя в Германии, и притом в оккупированной, приведённая в движение [in Gang gebrachte] **машинерия убийства [Tötungsmaschinerie]** должна совершить нечто иное, чем полное уничтожение [Vernichtung], могут хотеть внушить только либеральные демократы и так называемые христиане. Что эта машинерия есть только «наказание» за национал-социализм или даже только порождение мести, могут ещё некоторое время внушать некоторым глупцам. На самом деле нашли желанную возможность, нет, в последние двенадцать лет со-организовывали [mitorganisiert], и притом сознательно, чтобы привести это опустошение в движение. Если при этом возникают задержки [Verzögerungen], то они проистекают только из расчёта, который смотрит на то, чтобы эта машинерия не нарушала ещё слишком внезапно собственное деловое поведение. Правда: просчитаются в этих махинациях. Однажды эта машинерия вырвется [greift aus] туда, куда она как таковая сущностно направлена, на своих собственных функционеров. Однако: этот выпад [Ausgriff] и его исполнение тогда уже никого не заинтересуют; ещё меньше, чем это замечание об этом, которое уже по своему существу больше не сказано для публичности для читателей, но принадлежит самой судьбе Бытия и её тишине.

[О молчании как тяжести]

«Он молчит»; якобы потому, что у него больше нет ничего, что можно было бы сказать, якобы потому, что он со своей мудростью пришёл к концу. Это верно до слова. Мышление «пришло к концу»; оно уже давно держится [hält sich auf] у «конца», а именно философии как метафизики. Поэтому дано такое, что слишком велико, чтобы оно могло быть ещё сказано [gesagt werden könnte] обычным способом «публикации», ещё могло бы быть сказано. Молчание тяжелее, чем «говорение» и «печатание»; ибо к нему принадлежит: носить, вынашивать то, что кто-то имеет сказать и всё же может сказать только в пространстве, которое может быть подготовлено только через ска́з [Sage]. Это, признаем, тяжело. Это, возможно, превосходит силы. Называй это «неспособностью» [Versagen]. Просто: больше не участвовать в публичной болтовне — это ещё вовсе не молчание. Вероятно, уже сегодня есть некоторые, немногие, | неизвестные, у которых есть ухо, ухо для тишины благообразного молчания [Stille des schicklichen Schweigens]. Работать над этим молчанием есть самое тяжёлое. Только медленно учимся этому.

[О предвидении]

Никто не должен воображать, что он знает нечто заранее и «это» «уже» «давно» знал; менее всего приличествует такое воображение тем, кто пытается мыслить. Тем не менее: как часто я замечал в разговоре между 1934 и 1945 годами: через триста лет «Оно» будет настолько далеко, что толчок [Stoß] содрогания [Bebens] в самом Бытии заставит землю содрогнуться.

Что же есть «земля»? Что такое сегодня «триста лет»? То замечание остаётся только лепетом [Stammeln], который хотел бы сказать, в какой мере сегодняшние не принадлежат к этому и всё же единственно они должны наконец внимать судьбе Бытия, а не культурным течениям и мировоззрениям, чтобы быть благообразными [schicklich] судьбе — не для того чтобы сделать мир «лучше», но напротив, чтобы позволить Бытию быть более истинным [wahrer seyn zu lassen].

[О Гитлере как отвлекающем факторе]

Предположим (расчёт [Rechnung], который уже мыслит не-исторически [ungeschichtlich]), что Гитлер и его пособники не пришли бы — и «ко» власти и через неё не погибли бы, — изменилось ли бы от этого действительность Америки и России, как она есть, хоть в малейшей степени (сущностно мыслимое)? Напротив: напор этого действительного был бы только завуалирован и, возможно, остался бы ещё более ужасным. Этим Гитлер не «оправдывается» судьбоносно [geschicklich], — что снова есть сомнительное предприятие [Vorhaben]. Кроме того, Америка и Россия, в свою очередь, стоят в мировой судьбе, которую они не делают, но только исполняют. Тем не менее мог бы всё же, внутри нынешнего исторического хода, для «Европы» (что это значит? — поскольку Америка и Россия так же, как Япония, «европейски») возникнуть вопрос: не было ли более дальновидным [weitblickender], всемирно-исторически [weltgeschichtlich] войти в тотальную организацию вот-бытия и через неё пройти и выстоять [auszustehen] её «господствуя», то есть себя утверждая, — чем только запоздало инсценировать планетарное морщение носа над «фашизмом» и упустить историческое мгновение. Всё это уже не «политические» и тем более не «партийные» вопросы, также не историко-философские, — но они происходят из вопроса самой судьбы Бытия. Что «Европа» сама отстаёт [zurückbleibt] от своего собственного «продукта», и притом необходимо, и таким образом не может быть адекватна его существу, — что это означает? Только гибель от собственной воли — или неизбежность опыта крайней границы начала?

[Об ужасе перед большими темами]

Кто никогда не ужасался [erschrocken ist] перед «большими темами» философии и не взял ужас в своё мышление, тот не годится также и для малых вопросов, некоторые из которых хотели бы быть приведены в чистое состояние. Этим они ещё не решены.

Однако некоторые, да только малый пред-вопрос [Vorfrage] иметь возможность привести в чистое состояние было бы даром для мыслящего. Но что здесь означает: привести малый вопрос в чистое состояние? Чисто спрашивать [Rein fragen]: ясно и несмешано с другими намерениями только вслушиваться [hinhören] в со-мыслимое [Zu-Denkende] мышления. «Ясно»: в ясности [Helle] истины, которая принадлежит [eignet] тому, что со-бытийствуется [sich ereignet] как со-мыслимое. «Вслушиваться»: дать себе сказать [sich sagen lassen]; «себе»: собственному «существу» человека, т.е. тому, что позволяет ему принадлежать в Бытие по единственной мере Бытия. Но тут говорит нам: первая простая двусмысленность Бытия. Однако даже как

пред-вопрос [Vorfrage] вопрос не может быть обдуман [bedacht sein], если он остаётся чистым; ибо «пред»-вопрос был бы уже из намерения на высшее, был бы уже пред-схватыванием [Vorausgreifen] и всё же остаётся везде только шагом назад. Двусмысленность «Бытия» скрывается в не-продуманном [ungedachten] различии.

[Об атомной бомбе и машинерии убийства]

Сейчас с жадностью набрасываются на аналитическую и журналистскую фрагментацию [Zerfaserung] феномена | атомной бомбы; умеют согнать всевозможные точки зрения, чтобы фрагментировать эту машину, её применение и возможность применения и снабдить глоссами. Упускают из виду только, что из того же истока, которому принадлежит тот инструмент, — правда, ещё гораздо более незримо — к немцам приставлена [angesetzt] машинерия убийства, которая, вместо того чтобы уничтожить в один миг, дозирует нужду и муку и держит всё в неприметном и подкрадывающемся [Schleichenden] и ещё обволакивает всё христианскими фразами и демократическими тирадами. Выдуманность [Ausgedachte] этой машинерии убийства, чьи функционеры остаются неизвестными, ни на градус не отстаёт [steht um keinen Grad zurück] от технического разума, который затрачивается на конструкцию атомной бомбы. —

[О ложном эхе]

Это было ложное эхо, которое, Бог знает откуда, годами приходило к моим сочинениям, и даже не к ним, а только к атмосфере [Dunstkreis], которую вокруг них создали. Теперь уже годами повторяют те же предложения, и какой-то призрак изобрёл себе обличье в такой болтовне, если можно назвать обличьем столь расплывчато плавающее повсюду изображение.

[О ландшафте]

Ландшафт [Landschaft]. — Можно его «видеть» и открывать | и описывать и пускать в болтовню и в оборот — на манер всех приезжих [Zugereisten] — он становится чем-то для всех и вся и всеми увиденным [Gesichtetem] и получает своё всемирное лицо [Allerweltsgesicht] (так можно понять титул «Панорама») — или: кто-то принадлежит земле, не нуждается в том, чтобы таращиться на неё и при этом полагать, что он силой таращения принадлежит к ней — он стоит в ней молча и так, как если бы не знал её. Что же она говорит в нём — не он о ней — становится языком в другом. И даже это соображение не должно было бы быть записанным.

[О половозрелом мышлении]

Кто остаётся чуждым мышлению, полагает, что оно, поскольку оно показывает видимость «рефлексии», посвящено в его существо. Только половозрелое мышление [halbwüchsige Denken] наблюдает само за собой и ещё приходит к мысли создать себе завершение [Abschluß] с помощью «логики».

[О противниках]

Самое странное и, возможно, самое сильное действие, которое оказывает мышление, есть то, которое происходит в противниках против их воли и знания. Но едва ли они когда-либо так устроены, чтобы мышление могло от них | учиться. Противоположность [Gegnerschaft] слишком зависит от миража [Trugbild], против которого она идёт и который необходимо низвергает

её на уровень прекарного [Prekären]. Поскольку шум противостояния [Gegnerei] не создаёт внутренней длительности весомой по содержанию [sachhaltigen Gewichts], он должен постоянно делаться снова и громче. В конце концов даже вырастающая молодёжь полагает, что «слышать» есть не что иное, как переносить [Weitertragen] шум.

[О современной философии]

То, что сейчас под именем «философия» распространяется, есть церковно и партийно организованное или же питаемое из беспомощности и неспособности само-уничтожение [Selbstvernichtung] мышления. Когда мышление у первых мыслителей Запада, т.е. у первых и единственных мыслителей, пришло к концу, с и после мышления греков (Аристотель), возникла «логика».

«Философия» есть теперь имя для отговорок [Ausreden] организованного страха перед мышлением.

[О мышлении как ожидании обитания]

В мышлении ожидай [warte] обитания в судьбе [Geschick]. Мышление, вспоминая-бытием [andenkend], учреждает [stiftet] свет былого [Licht des Einst].

Школа [Schule] и **историография [Historie]** предают мышление порче [Verderb].

Опускание [Weglassen] учим только в Бытие-оставлении [Seyn-Lassen] Бытия.

[О должниках и кредиторах]

Ещё более зависимы, чем должники от своих кредиторов, кредиторы от тех. Рассчитанные отношения [Gerechnete Verhältnisse] в любом случае несвободны. Благодарность [Dank] не попадает в них. И там, где предъявляется обязанность к благодарности, благодарность, которая ей соответствует, уже не есть благодарность; ибо она проистекает не в мышлении.

[О страхе перед мышлением]

Во время, когда страх перед мышлением считается «философией», каждый, кто ещё живёт из отношения к делу мышления, должен быть ясен насчёт первого решения [ersten Entscheidung]. Оно гласит: оставаться в стороне [wegbleiben]. Но оно есть только по видимости негативно. Оно происходит из умения-ожидать [Wartenkönnen]. Ожидать: конечно, не позднейшего согласия публичности; но ожидать, за пределом собственной жизни, взгляда просвета Бытия, который со-бытийствуется человеку.

[О деле мышления]

В природе дела, вероятно, лежит, что дело мышления, которое есть, вероятно, дело человека, постоянно ускользает от человека и тем самым как раз притягивает его [anzieht], чтобы мышление стало вспоминанием-бытия [Andenken].

При деле оставаться [Bei der Sache bleiben], пусть это стоит чего бы то ни было. Ибо здесь больше не рассчитывается.

[О дословном переводе]

«Дословный» [wörtliche] перевод состоит не в том, что ставят соответствующие «слова» по количеству и грамматической форме, но что мы попадаем [treffen] «в слово», и притом в происхождении из ска́зания [Sagen] переводящего языка.

[О защите драгоценного]

В мировую эпоху войн и разрушений необходимо защищать драгоценное [Kostbare]. Лучшая защита остаётся в том, что оно держится неприметно в неизвестном [Unbekannten]. Величайшая разрушительная сила сегодня принадлежит публичности. Ибо она разрушает, воздвигая [errichtet] видимость, будто в ней и через неё строится мир. Атомная бомба, напротив, только даёт всё распасться в пыль, в которой она сама входит в уничтожение. Публичность же постоянно выбирается [arbeitet sich heraus] из своего дела уничтожения [Vernichtungsgeschäft]. Это есть её стихия. Дело в том, чтобы защитить драгоценное, мышление как вспоминание-бытия [Andenken], от этого разрушения, взять обратно в неизвестное, как бы зарыть [zu vergraben].

[Об ожидании]

Мы никогда не можем принудить [erzwingen] Бытие, но можем вы-жидать [er-warten]: в вынашивании [Austrag] сохранения [Behütens] его истины подготовить приход.

[Об ужасе перед безмыслием]

Часто охватывает ужас [Grauen] при перспективе, что на десятилетия вперёд у нас больше не будет мышления, а только бездисциплинарная [zuchtlose] болтовня о «мировоззрении» [Weltanschauungsgerede], которая даже не замечает, как она всё более отдаёт себя в подвластность [Botmäßigkeit] того, что хотели бы искоренить как «порочную систему» [verruchtes System]. Правда, «содержания» её устраняют и прежних сторонников удаляют. Зато тем решительнее сохраняют стиль [Stil] и окружают его христианскими и гуманитарными фразами. Более опустошительна [Verheerender], чем жаровая волна [Hitzewelle] атомной бомбы, есть «дух» в обличье мирового журнализма. Та уничтожает, только стирая [auslöscht]; этот уничтожает, воздвигая видимость бытия на кажущемся основании [Scheingrund] безусловной беспочвенности [Wurzellosigkeit]. Абсолютный журнализм усыпляет [betäubt] ставший сегодня стилем страх перед мышлением и так заботится о радикальнейшем искоренении [Ausrottung] мышления. Мы должны приучить себя и грядущих к тому, что впредь [inskünftig] на долгое время мышление останется драгоценным сокровищем, которое лучше всего охранять, если глубоко зарыть его. С «пессимизмом» это не имеет ничего общего, но многое — с трезвостью [Nüchternheit]. (Позднее упомянуто в письме Манфреду Шрётеру.) [О покое для мышления]

Спасения [Rettungen] и защиты [Verteidigungen] по отношению к | публичности излишни. Но необходим покой [Ruhe] для беспокойства [Unruhe] мышления.

[О возвращении]

В мышлении хорошо чаще и при этом, как вновь прибывая, возвращаться туда, куда путь уже однажды достигал.

[О мере в былом]

Почему мы мыслим [denkend] только настолько далеко в стихии Бытия, насколько далеко судьба [Geschick] истины Бытия приходит из неё? Мера в былой [Einst].

[О лживом пути]

В области простого [Einfachen] мы неприметно [unversehens] и без того, чтобы нечто достаточно обозначило свою невозможность, на лживом пути [Irrweg]. Тогда мы находим себя при предприятии, которое похоже на попытку ловить рыбу на дереве.

[О законодательстве вот-бытия]

Законодательство [Gesetzgebung] вот-бытия [Da-seins], которое даёт закон из судьбы вот-бытия сначала стать и — в становлении оставляет, на поруку [Gewähr] того, что даже существо закона изменяется.

[О со-мыслимом]

Со-мыслимое [Zu-Denkende]: Различие в судьбе былого [Unterschied im Geschick des Einst].

[О личных делах]

Мои личные дела [Personalakten] в философском факультете Фрайбурга исчезли. Возможно, более поздний историк университетской истории на основании этого отсутствия дел докажет, что моя тридцатилетняя деятельность в университете есть фикция.

[О «философии бездны»]

«Моя философия» — если может быть употреблено глупое выражение — есть «философия бездны» [Philosophie des Abgrunds] — я спрашиваю в ответ: разве мы не стоим у бездны? Не только мы, немцы, не только Европа — но «мир»? И не только со вчерашнего дня и уж точно не «через» Гитлера, так же мало как «через» Сталина или «через» Рузвельта. —

Опасно ли мышление, которое мыслит, что есть? Или хотят «мыслить» то, чего нет? Хотят ли вообще не мыслить, а болтать [faseln], продолжать болтовню [Faselei] о «действительном»? Хотят только этого. Всё ещё не стоят у бездны, даже не хотят знать, что это такое. Как будто там гонит тайный страх перед тем, что человек со взглядом в бездну только и начинает испытывать, учиться испытывать, что есть. Как будто у калькуляторов [Rechner] и деструкторов [Zersetzer], которые | всё измельчают [zerreiben] своей интеллектуальностью, есть страх перед той пустотой, в которой их болтовня и их организованное разрушительство [Zerstörerei] уже ничего не действует даже на тех, кто глупее немцев.

[О подлинном поражении]

Подлинное поражение [eigentlich Niederlage] состоит не в том, что «рейх» разбит, города раздроблены, люди невидимыми машинериями убийства умерщвлены [hingemordet werden], но в том, что немцы дают загнать себя другими в самоуничтожение [Selbstvernichtung] своего существа и сами его осуществляют под правдоподобной видимостью устранения ужасного режима [Schreckensregiment] «нацизма». Это, особенно когда оно достаточно препарировано и исторически изолировано — как если бы оно без содействия других внезапно в январе 1933 года свалилось с неба, чтобы, столь же изолированно, развиться в ближайшие двенадцать лет — можно будет всегда и с полным правом предъявить мировой публичности как позор. — Но будет трудно сделать взгляд столь свободным и превосходящим, чтобы он познал, как именно это правомерие [Rechthaben] — в основе представляет собой планетарное введение в заблуждение [Irreführung], которое гонит всё в замешательство.

[О христианстве и технике]

Возможно, «знают» очень хорошо, что на этом пути всего вернее пресловутый [gebrandmarkte] «нацизм» ещё более пагубно подстрекают и взращивают. Этого также, подготовленного издалека, захотят, чтобы затем ещё раз замахнуться [auszuholen] к последней мере искоренения [Ausrottung] под ещё более громким гуманитарным криком.

И христианство пытается, пока эта дьявольщина [Teufelei] «разбегается», ещё там и сям делать свои культурные дела. С удовлетворением отмечают столько вновь достигнутой современности [Modernität], что руководитель общества телевизионных исследований — католик. Одновременно проповедуют, что техника должна служить человеку. Осмеливаются одновременно говорить такую глупую чепуху и выставлять «Йозефа Геббельса» к позорному столбу как лжеца перед крайне сомнительной мировой публичностью.

[О ходьбе и подсматривании]

При действительной ходьбе [wirklichen Gehen], особенно в ходе [Gang] мышления — мы никогда не можем идти одновременно позади себя, чтобы ещё подкарауливать [belauern] эту ходьбу.

[О работе в духе]

Скоро ли найдутся некоторые, кто с | заметным рывком [merkbarem Ruck] отвернётся от жалкой журнальной болтовни и ещё раз покажет подрастающей молодёжи, что есть работа в духе [Arbeit im Geiste]? Мастерская [Werkstatt], а не болтовня [Faseleien].

Но и это показывание уже слишком поздно.

[О католической философии]

«Католическая философия» [Katholische Philosophie], это образование [Gebilde], и ещё скорее его вывеска [Aushängeschild], отваживается теперь назойливее выступать. Что уже в одном титуле обнаруживается голая невозможность [bare Unmöglichkeit], этого, кажется, ещё не замечают те, кто полагает, что необходимо вступать с этой формой фехтования с тенью [Spiegelfechterei]. «Католическая философия» — это не много иное, чем «национал-социалистическая наука» — четырёхугольный круг, деревянное железо, которое, когда попадает в огонь, рассыпается в пепел, вместо того чтобы закалиться. Но оно даже не попадает в огонь. Оно только поднимает большой шум по образцу современного журнализма — не отступают даже перед «присвоением» [Aneignung] этого явления. «Католическая философия» — этот титул уже объясняет, если его мыслить, безусловную готовность к — отказу от мышления, но за фасадом и с затратами терминологии каждого актуального [gerade gängigen] «философствования», которое также не всегда уже есть мышление.

Если затем для устранения мышления привлекают ещё и политическую власть и её целесообразно усиливают, добывая как католическая хранительница вечных истин помощь со стороны коммунистической партии в обличье антифашистской совместной работы, то эксперимент становится особенно захватывающим — но остаётся жалким гнилым делом [elendes Gezappel], которое уже отжило своё время. Правда: введение в заблуждение [Irreführung] целого молодого поколения, которое сначала — после ослепления [Verblendung] прошедших лет — должно было бы теперь, знающе, пройти через бездну, чтобы быть готовым к тому,

что есть — это прикрытое христианскими фразами введение в заблуждение есть историческая фальшивая монета [geschichtliche Falschmünzerei], которая только более рафинированно повторяет то, что было только что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.